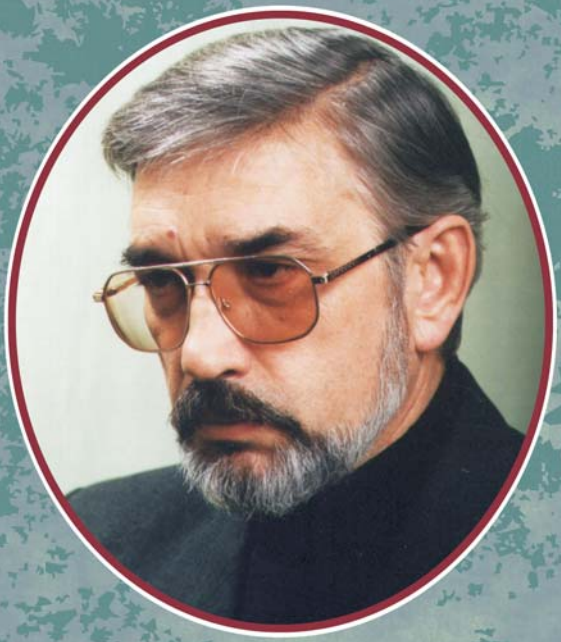
Николай Ярёменко

ЧЁРНЫЙ ТОПОЛЬ НА ЮРУ

или беседы с

СЕРГЕЕМ СОКУРОВЫМ

(эссе-интервью)



Полтава-Москва, 2010

Вернисаж книг С. Сокурова

Николай Ярёменко

ЧЁРНЫЙ ТОПОЛЬ НА ЮРУ

или беседы с

СЕРГЕЕМ СОКУРОВЫМ

(эссе-интервью)

Полтава-Москва, 2010

Издание
Всеукраинского союза общественных организаций
«РУССКОЕ СОДРУЖЕСТВО»
ВОО «Союз русских журналистов и литераторов»
Полтавского ОО СРЖЛ
«СОЮЗ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРОВ ПОЛТАВЩИНЫ»
с использованием документов и хроники
РУССКОГО ОБЩЕСТВА им. А. ПУШКИНА
во ЛЬВОВЕ
и личного архива С.А.Сокурова

Николай Николаевич Ярёменко

ЧЁРНЫЙ ТОПОЛЬ НА ЮРУ
или беседы с
СЕРГЕЕМ СОКУРОВЫМ
(эссе-интервью)

Под общей редакцией Н.Н.Ярёменко

Художественное оформление
изготовитель оригинал-макета
и компьютерная вёрстка
Н.В. Бишенова

© Ярёменко Н. Н.

© ОАО «ВПК «НПО машиностроения»

От автора идеи

В своей статье «Вехи истории рода Величко», опубликованной рядом СМИ России и Украины весной настоящего года, я посвятил один из разделов ныне живущему в Москве потомку славного рода полтавчан. Повторяться и забегать вперёд не буду. Отмечу только, что Сергей Анатольевич Сокуров, общественный деятель и писатель, создавая произведение на «украинскую тему», не упускает возможность отметить свою безыскусственную «малороссскость» такой законной для него подписью, как *Величко*, или, чаще, использует «полупсевдоним» *Сокуров-Величко*. В то же время в среде русских писателей Поднепровья возникла идея создать, в виде эссе, жизнеописание нашего собрата и единомышленника. И повод тому нашёлся – его 70-летие, отмеченное высокими общественными и правительственными наградами. Попечительством Правительства Москвы год назад был издан сборник публицистики Сергея Сокурова-Величко под названием «Мотивы новой Руины» («из малороссийских тетрадей»).

Я вызвался взяться за сей труд. Но возникло большое затруднение: как осилить весь тот материал, в котором прямо или косвенно отражается личность моего героя? Ведь юбилейный для него год подходит к «экватору». Нужен не один месяц, чтобы, в «поисках автора» с особым вниманием прочесть два десятка книг и сотни статей, пересечь в нескольких направлениях солидный «водоём библиографии», насчитывающий под одну тысячу наименований. Где найти достаточно полную автобиографию Сергея Сокурова? О. Лютиков, один из лидеров всемирного движения российских соотечественников, предоставил небольшое жизнеописание своего соратника и перечень его основных литературных работ. Сам Сергей Анатольевич наотрез отказался участвовать в проекте книги о себе, как соавтор. Согласился только помочь материалами. Но ведь не даром я *хитрый*

хохол **(без кавычек) - придумал взять заочное интервью у героя моей задумки. Задал всего несколько вопросов с просьбой ответить на диктофонную ленту. Как можно полнее. И добавить к ней необходимые документы электронной почтой.** ***Первое, откровенно рассказать о себе самом. Второе, назвать основные события жизни и поведать о них более подробно.*** **Дополнительные вопросы не самостоятельны, они входят в «обоймы» главных.**

Разумеется, при таком способе создания эссе оно потеряло добрых две трети задуманного объёма. Вместо книжки получилась брошюра. Притом, честно говоря, назвать её однозначно *интервью* – большая натяжка. Сергей Анатольевич отвечал на мои вопросы экспромтом, в основном, по памяти, не заботясь о стиле изложения. Пришлось править, сокращать, в сомнительных местах справляться по подручному материалу. Словом (прошу прощения у читателей), я невольно оказался главным автором предлагаемого для прочтения материала. Так осмелел, что и название ему придумал. Правда, опасности здесь для меня нет никакой, ибо интервьюируемый таковым себя и считает. Так что давайте условимся, дорогие читатели*: *перед вами интервью, взятое мной, Николаем Ярёменко, у Сергея Сокурова-Величко и оформленное как эссе-интервью* (опять прошу прощения, на этот раз за изобретение жанра). С.Сокуров отвечает на вопросы, заданные мною выше (они выделены курсивом).

Н. Н. Ярёменко

I.

Согласитесь, Николай Николаевич, не просто приступить к рассказу о себе. С чего начинать? Ведь новый человек не выкристаллизовывается из воздуха. За ним - ряд предков; вокруг – Богом данная среда обитания, которую называют Малой Родиной; и предметы старины, в том числе семейные реликвии. Всё это в той или иной степени

участвует в формировании новоявленной личности. В автобиографиях обычно не упускается случая рассказать, от кого произошёл автор, откуда он. Тени пращуров настойчиво просят не забывать их. В «Семейной хронике» за 1640 – 2005 годы, написанной по просьбе детей (и только для них и непосредственных их потомков) я отметил: *мёртвые хотят, чтобы их помнили*.

Итак, по вашей просьбе сначала, не растекаясь мыслию по древу, изложу собственную историю (собственную, как я её понимаю).

Есть в центре Азии, в верхнем течении Енисея, райский уголок - межгорная Саяно-Алтайская котловина, наполненная чернозёмом. Степные травы. Лиственные рощи. Сосны на речных и озёрных дюнах. Вековые кедры. Сухой целебный воздух. Долгим солнечным летом вызревают теплолюбивые плоды садовых деревьев, арбузы и дыни, помидоры, размером с голову двухлетнего ребёнка. Не зря эта местность названа Сибирской Италией. Цари ссылали сюда политических преступников. Советская власть настроила здесь курортов. Лучший из них – в селе Шушенском, где некогда «узник тюрьмы народов» Ленин, с сожительницей Надюшей, поправлял здоровье и отъедался на казённые рублики перед эмигрантским оголоданием. Ниже по течению Енисея, при впадении в неё речки Миньюсинки, в начале XVIII века казаки срубили сторожевой острожек, чтобы противостоять абаканским хакасам. Теперь здесь город Минусинск.

Неизвестно, когда в нём появились Сокуровы. По семейному преданию, их родоначальник вышел из Перми. Но через «осетинскую» фамилию прослеживаются иные корни. На юге России *чёрный тополь* называют *осокорем*

или *сокорой* (*сокурой*). Есть волжский городок Сокур. Видимо, это влияние скифского языка. Славяне-русы в древности, между кровавыми драками с ираноязычными степняками, ходили с ними в обнимку. По-соседски! Известно, при культурном обмене нам достались от тех «кентавров» такие слова, как «собака», «хорошо», «топор»… Предполагаю, что и «сокур» из их лексикона. А осетины (аланы) - прямые потомки скифов. У них Сокуровых, что у нас Ивановых.

Увы, от генеалогического древа Сокуровых мне досталась весьма скромная веточка. В основании её, без зримого образа (ни одной фотографии не сохранилось), звучит имя Никанор. Был он мастером-жестянщиком, нравственно чистым, грамотным. В Первую мировую выслужил офицерские погоны. На Гражданке оказался у адмирала Колчака. Попал в плен к партизанам. У красных разговор с белым офицером был коротким. Свидетелем расстрела оказался сосед Сокуровых. Признавшись вдове, болтать на людях не стал. Предпочёл регулярные подношения водочкой за молчание. Между двумя войнами невольного офицера смутно запомнил его шестилетний сын Анатолий, который через два десятка лет станет моим отцом.

Анатолий Никанорович получил образование в Минусинском педагогическом училище, преподавал географию и физкультуру, безуспешно занимался спортом. Однажды на ипподроме ему приглянулась юная участница конных бегов Ольга Фролова, уроженка Александрии, Херсонской губернии. Её отец, Алексей Сергеевич Фролов, выходец из семьи саратовского пр**а**сола, учёный агроном, арестованный в Харькове за нелестный отзыв о партии большевиков, отбывал сталинскую ссылку в Коми

АССР. Семья репрессированного распалась. Младшая дочь уехала в Сибирь. Совмещала учёбу в техникуме с преподаванием в школах по специальности физическая культура. Мать Оли, Елизавета Ивановна, была дочерью Елизаветы Илларионовны Чебалдовой, урождённой Величко. Последняя состояла в родстве с известным поэтом и монархистом Василием Львовичем Величко и певицей с мировым именем Антониной Неждановой. К этому роду принадлежал св. Кузьма Кукша-Величко. Елизавете Илларионовне перешла по наследству личная печать их предка Самоила Васильевича Величко, знаменитого «летописца» Малороссии, жившего в 1670-1728 годах. Эту печать затем хранила у себя Елизавета Ивановна. При аресте Алексея Сергеевича семейная реликвия была изъята и бесследно исчезла вместе со всеми родовыми документами в недрах харьковского отдела НКВД.

Общность профессиональных интересов и взаимная симпатия привели молодых людей в ЗАГС. 9 апреля 1940 года, в семье Сокуровых появился я, наполовину *чалдон* (русский сибиряк), на четверть саратовский *кацап*, на одну восьмую *хохол* и настолько же, через Чебалдовых, болгарин (то есть потомок *антов*-славян и *булгар* хана Исперих). Подозреваю, притаились во мне малыми процентами минусинские татары и финны с Камы-реки. Верно подметил поэт: «Да, скифы – мы!». Столь же пестра моя сословная палитра: родители *совслужащие*, как тогда называли не творческую «прослойку» между классами «гегемона» и колхозников; один дед – ремесленник, другой – разночинный интеллигент; одна бабка – мещанка, другая - поповна по своему отцу и дворянка по матери (известный указ Екатерины II приравнял казачью старшину к привилегированному сословию империи). Если копнуть глубже, обнару-

живаются ещё крестьяне и представитель низшего купеческого звания.

В Великую Отечественную войну учитель географии и физкультуры Анатолий Никанорович Сокуров повторил служебную карьеру своего отца под знаменем иного цвета. Дослужился до капитана в войсках тыловой связи. Всё это время Ольга Алексеевна хранила детей и мать Елизавету Ивановну (отец, Алексей Сергеевич, отбывал повторную ссылку, уже как «бывший», за Уралом). Семейные обстоятельства заставили её перебраться в Красноярск, затем в Евпаторию. В первый послевоенный год Анатолий Никанорович выписал своих в Венгрию, где базировалась его воинская часть. Оттуда семья переехала в прикарпатский городок Самбор (там я впервые увидел отбывшего ссылки деда Фролова), потом в Дрогобыч, в котором осталась могила Алексея Сергеевича. Там закончил семилетку и поступил на геофак нефтяного техникума (ДНТ). Закончил его в 1959 г. К тому времени отец, уже вновь школьный учитель физкультуры, расстался с женой по несовпадению мнений о «зелёном змие» и отбыл к матери в Минусинск, где и скончался в шестьдесят с немногим лет судьёй по спорту республиканской категории. Для меня он не стал образцом подражания. Это место заняли дед Фролов и в большей степени - мама.

Из техникума получил «распределение» в Полтаву. Подъезжая как-то по служебному делу к Диканьке, испытал вдруг сильное волнение. Ни мама, ни бабушка Фролова никогда не рассказывали мне о родстве с «летописцем» Величко. Подозрительная родословная была чревата осложнениями для комсомольца, чудом избежавшего штампа «внук колчаковца». Много позже я понял причину своего душевного состояния: мой знаменитый предок провёл по-

следние годы жизни на хлебах владельца Диканьки – сына казнённого Кочубея. Как не верить после этого в «голос крови»!? В память о малороссийских родовых корнях часть своих сочинений я подписываю *Сергей Сокуров-Величко.*

После Полтавы местом служения геологии стали Одесса, всего на год, куда переехала мама с дочерью, моей старшей сестрой Аллой, и её мужем. Затем я оказался во Львове. Последний поманил близкими Карпатами. В геологию я пошёл, начитавшись в подростковом возрасте приключенческих сочинений геолога-академика Обручева. «Землю Санникова» и «Плутонию» помните? А для всякого землепроходца горы - это сама романтика. Вслед за мной туда перебрались по междугороднему обмену квартирами мама с бабушкой Фроловой. Здесь мой якорь оказался брошенным на 33 года. Работал геологом в полевых и специализированных партиях (поиски нефтегазовых структур, золота, минеральных вод; государственная и отраслевая геологическая съёмка), изыскателем в проектных институтах. Прошёл «Табель о рангах» от младшего техника-геолога до начальника отряда. В геологии ничем заметным себя не проявил. Заочно обучался на геофаке Львовского государственного университета.

В 1966 г. женился на сокурснице по ДНТ. Альвина Николаевна родила сына Алексея, будущего архитектора, нашедшего себя в строительстве, и дочь Ольгу, способную к компьютерному обучению.

С 1968 г. начал публиковаться в периодике Львова, Киева, Москвы. Прозаические и стихотворные сочинения стали выходить отдельными изданиями спустя семь лет. 21 книга за 34 года (в среднем, по книге в полтора года). В

Союз писателей СССР (и УССР) принят в 1988 г., сейчас член СП России.

Перестройка не вдохновила меня на воспевание «демократических ценностей». Наоборот, в конкретных условиях Галиции насторожила откровенной антирусской направленностью «*відродження*» на австроукраинский лад. Необъяснимо, любитель уединения и созерцательности, я бросился головой в омут общественного движения, найдя в нём свою струю. Об этом лаконично написано у О.Ю. Лютикова, ставшего первым моим биографом, подробно - в моих «Очерках истории русского национально-культурного движения в Галиции (1988-1993 годы)», Москва, клуб «Реалисты», 1999.

Повторюсь коротко: организация русской культуры была задумана в начале 1988 года, идея её создания стала достоянием гласности в мае-месяце. А юридическое оформление произошло осенью под вывеской Русское национально-культурное движение «Друзья украинского искусства и литературы». Такой «аванс» не уберёг нас от вражды националистов. Поэтому организация приняла нынешнее название: ***Русское общество им. А.Пушкина***. Я был его координатором (лидером) со дня возникновения по май 1993 года. Как Почётный Координатор, до сих пор практически участвую в принятии решений Совета. Представляю её интересы в РФ. Кроме того, участвовал в создании других родственных структур на Украине.

Под давлением неблагоприятных обстоятельств личного и стороннего свойства переселился в Подмосковье с помощью влиятельных благожелателей высокого государственного и общественного уровня России. Был обеспечен жильём в наукограде Реутов. Вскоре ко мне присое-

динились все члены семьи: жена, сын и дочь, мама. Бабушка Елизавета Ивановна скончалась задолго до этого события. Общественная деятельность московского периода – это большая отдельная тема. Она отмечена вниманием СМИ, различных самодеятельных и государственных структур. За этот период здесь издано 16 книг из 21. Недавно закончен роман из отечественной истории «Феодора» (действие происходит в 1812-2002 гг).

«Оранжевые брызги» при приходе к власти подельников Ющенко и Тимошенко на Украине достигли Москвы. Русофобия стала распространяться по столице также из Библиотеки украинской литературы. На ряд «культурных мероприятий», таких как посвящённых поэту Маланюку, ненавистнику всего русского, я отозвался серией статей под общим названием «Охота на бронтозавра». После их широкой публикации меня пригласили в это учреждение культуры на должность главного библиотекаря. Я ощутил себя своеобразным «мусорщиком» и старался на совесть. Подспорьем для этого служил сборник моих сочинений «Мотивы новой Руины» (из малороссийских тетрадей), который был издан в 2009 году к моему юбилею попечительством Правительства Москвы. Но, как ни странно, «оранжевая проблема» в библиотеке не решена. Я подвергся административному выдавливанию со стороны директрисы Шариной. Не помогли ни Почётный знак МСРС «За вклад в сплочение Русского мира», ни специальный диплом, выданный мне в 2010 решением ПМ и СЖМ за писательскую деятельность по защите русского языка и культуры за рубежом. Наше чиновничество, в том числе от культуры, - это корпоративная сила, стоящая на страже тёплых мест, чинов, окладов. Одолеть её в одиночку нельзя. Но, «взявшись за гуж», надо до конца не выпускать его из рук… Так я отмечаю своё 70-летие.

II.

Основные события жизни? Если «самые-самые», то назову вначале реализацию своей детской мечты о литературном творчестве. Она доминировала над всеми иными фантазиями впечатлительного ума, зародилась во мне раньше, чем стремление к путешествиям под воздействием романов Жюль Верна, дневников капитана Головнина, соблазна «Ойкуменой» Ивана Ефремова. Сколько помню себя, *для звуков жизни не щадил*. Под впечатлением стихотворной истории Москвы Натальи Кончаловской «Наша древняя столица» - откликнулся таким вот шедевром: «На кручке/ Стоял посёлок Кучка/ Текла широкая река/ По названию Москва…». Пииту было около десяти. Сохранились тетрадки ученика 4, 5, 6, 7 классов средней школы. В них чистовики стихотворений и прозы, на отдельном двойном листе – пьеса, писанная для домашнего кукольного театра (куклы искусно изготовлялись мамой, квартира превращалась в зрительный зал, набивавшийся в день премьер соседской ребятнёй). Это уже не просто детское творчество, а «писательские игры», ибо я вручную издавал тиражом в одном экземпляре рукописные книги. По отдельным стихотворениям легко догадаться, каким из классиков на сей раз увлечён юный автор. Это писано «под Никитина», это «под Кольцова», здесь совсем «лермонтовская надуманная тоска», здесь «звучит Ломоносов». Вот *по ушам* Рейнеке-лиса *узнаётся* Гёте, да и название свежей баллады подтверждает: «Лис Харитоша». На бумажных обрывках какие-то герцоги, рыцари… Ага, «Сцены из рыцарских времён»! И Пушкин попался под руку! В прозе больше всех достаётся Майн-Риду. Подражания не грех, если они талантливо написаны. Увы, читая сейчас сохранившееся из написанного мною в детстве и юности,

вплоть до выхода из ДНТ на геологическую тропу, я не вижу у себя ни одной талантливой строки. Всё тускло, без запоминающихся мыслей; бедные образы, надуманность, выспренность. Если бы мне сегодня прислали на рецензию подобное, я бы уверенно определил в авторе начинающего графомана. Может быть подспудно, сам себе не признаваясь, почувствовал свою творческую бесплодность, потому что после техникума добрые восемь лет *божественный глагол уха моего не касался.* Но, видимо, та детская мечта не умерла. Она лишь погрузилась в сон. Наверное, литератору во мне необходимо было вызреть в покое.

Назвать *событием* то, что растянулось на десятки лет жизни нельзя, но реальное начало – когда я увидел наконец напечатанным типографским шрифтом первое своё сочинение – безусловно, для меня одно из наиболее памятных событий жизни, вызвавшее во мне сильнейший всплеск эмоций положительной окраски.

Случилось это на 28-м году моей жизни, когда я уже был отцом двух сыновей (старший, Александр, родился от первого, неудачного и короткого брака), работал начальником отряда в Самборской геологической партии в Карпатах. Между выездами «в поле» «камеральничал» и жил со своими близкими в центре любимого Львова. Старинный европейский город, зелёный, в оправе живописных холмов, который советская власть сделала «украинским», этот музей разнообразных типов архитектуры, от романского и готики до эклектики и модерна, всем своим обликом и духом ушедших разноязыких поколений влиял на развитие чувств, вкуса, приглашал мыслить и совершенствоваться. Как-то не замечалось, что три четвёрти горожан были вчерашними сельскими жителями. Это значительно

позже, при *нэзалэжности,* они наложат на прекрасный город печать крайней провинциальности, пошлости и «изысканного» мракобесия. Словом, родные лица, урбанистическое и природное окружение, дружеский круг, жизнь путешественника, доступность увлечений (я рисовал и много читал), главное, молодость и здоровье - всё создавало ощущение праздника жизни. И вдруг в его разгар неожиданно для меня киевская газета «Комсомольское знамя», с похвальным отзывом, публикует мой рассказ «Что в имени тебе моём?» Я написал новеллку под впечатлением легенды о дочери Дантеса Шарлоте, якобы испытавшей трагическую, загробную любовь к Пушкину. И разослал первый прозаический опыт взрослой руки по редакциям. Конечно, надежда на публикацию была. Но прошли недели, и другие впечатления заслонили самолюбивое мечтание. Тем радостней оказался сюрприз.

Я вижу некое знамение для себя в том, что начал публиковаться с пушкинской темы. Пушкин – живой, реальный человек, и пушкинское художественное слово – стали большой, неотъемлемой от меня, постоянно осознаваемой, как личное благо, как пир души, частью жизни с девятилетнего возраста, когда мама подарила моей сестре в день её рождения юбилейное издание «А.С.Пушкин. Сочинение» (всю жизнь я храню эту книгу, она и сейчас со мной). Ещё до того, как взрослые позволили мне прикоснуться к фолианту чистыми руками, меня охватило странное ощущение, будто я вхожу в уже известный мне, но забытый мир. Действительно, «входя» в Книгу (а «вхождение»» длилось годами), я *не открывал* в ней для себя новое, я *вспоминал, узнавал.* После осознания этого уже в юности, стал верить в переселение душ.

Верьте, не верьте, Николай Николаевич, в прежней жизни я был современником Пушкина; более того, мы были знакомы: я читал его прижизненные издания, знаю, как он выглядел со спины… С образа девушки Шарлоты началась моя личная Пушкиниана. В неё входят три рассказа, ряд статей, несколько стихотворений (одно из них, «Чёрная речка», бард-поэтесса Жанна Додукалова исполнила под собственную музыку 6 июня 1989 года на сцене Львовского оперного театра). Пушкин, как образ, как символ России, не забывался мной и в общественной деятельности, о чём ниже. «Мой личный Пушкин» познакомил меня с правнуком поэта, Г. Г. Пушкиным и первым хранителем Заповедника «Михайловское», великим С. С. Гейченко. Мы дружили до смерти этих замечательных людей. Рядом с ними я принимал активное участие в Пушкинских праздниках поэзии в Михайловском, с XXIII по XXVII. Новый Ангел-Хранитель Святого Пушкиногорья Г.Н.Василевич также принял меня как друга. Более того, в НКЦ Заповедника он открыл отдельный регистр хранения на моё имя, где упокоилась часть моего личного литературного архива, хотя я не являюсь сколько-нибудь заметной фигурой среди признанных пушкинистов с учёными званиями. Тем не менее, титулованные пушкинисты вручили мне в юбилейном 1999 году Серебряную медаль Международного Пушкинского Фонда «Классика», с признанием его попечителем. Ту первую новеллку, дополненную и переработанную, под названием «Быль о Шарлоте Дантес» я включил впоследствии в триптих, к которому перешло первоначальное название. Он нашёл место в 4-м томе моих сочинений 2006-07 годов.

Публикация в Киеве, восторженно воспринятая мной, оказалась лишь прологом к немыслимой для меня

удачи. В том же 1968 году, 1 сентября, центральная в то время газета «Известия» поместила в рубрике «Тропою исканий» сокращённый вариант моего лирического очерка «Каменное море», написанного на одном дыхании на привале после маршрута в горах. Я почувствовал, что образ Карпатских гор удался и, ничтоже сумняшеся, предложил очерк самой читаемой газете в СССР. Редакция назвала его «Течёт река Люча» и придумала к нему жанр – «письмо». Меня заметили читатели (среди них маршал Голиков, который впоследствии снабдит меня материалом для документальной повести). Главное, редакторское начальство обратило внимание на молодого автора из Львова, предложило принять участие в конкурсе под девизом «С чего начинается мужество». Затея растянулась более чем на год. В ней приняло участие около трёх тысяч соискателей. За это время в номерах «Известий» появилось ещё шесть моих очерков (невероятный случай для издания такого типа). При подведении итогов конкурса в конце 1969 года, мне присудили второй приз. Серебро! В «Известиях» появились мой портрет и краткая биография в ряду награждённых (впоследствии я принял участие в конкурсах областной газеты «Львовская правда» и общесоюзной – «Сельская жизнь»; там и там третье место. На этом потерял вкус к подобного рода ристалищам).

Казалось, после «известинской победы» двери многих редакций для меня открыты настежь. Да не тут то было! Потянулись длинные полосы неудач, иногда прерываемые благосклонностью того или иного издания. Через много лет я догадался о причинах. Одна из них (возможно, главная) – в моей самооценке. Я наивно и упрямо полагал, что во мне проснулся художник слова, беллетрист, и вдохновенно принялся за производство рассказов и повестей,

относясь к публицистике небрежно, как к побочному творчеству. Мне бы внимательно присмотреться к себе, оглядеться, прислушаться к мнению профессиональных читателей и рецензентов. Редко раздавались возгласы одобрения, чаще замечания, справедливые, наверное, но для меня болезненные. Преобладало равнодушное молчание; равнодушие ощущалось в отписках из изданий, мол, «портфель редакции и так переполнен». И в то же время издания охотно принимали мои сочинения в жанре публицистики (геология, темы истории страны и человечества, популяризация наук, искусств, очерковые портреты реальных творцов той или иной сферы деятельности, прочее. За всё брался, если был внутренний или со стороны заказ). Львовская русскоязычная газета, как правило, отличала меня на стенде «Лучший материал за неделю». Было приятно, но выводов я не делал. Даже когда «Известия» прислали ко мне своего собкора по региону Вуковича с предложением начать постоянное сотрудничество в качестве его нештатного помощника, я пропустил это мимо ушей. В моей голове уже вызревали повесть на тему отечественной истории и приключенческий роман. Я буду писать их долго и трудно, наконец опубликую под названиями соответственно «Миллионы Белого Генерала» и «Ворота Туманов». Сбивало с толку и в целом успешное прохождение рукописей в Львовском книжном издательстве «Каменяр». В нём вышли четыре книги, первая, «Каменное море», в 1975 году и последняя, «Знак чистого солнца», к моему 50-летию. Строгие рецензенты (университетский профессор филологии В. Петровский, известные писатели В. Киселёв и П. Северов) благосклонно отнеслись к новому конкуренту у кассы, где выплачиваются гонорары. Однако критика и здесь промолчала, и читатели не спешили выражать вос-

торг. Тем не менее, я продолжал вспахивать поле художественной литературы.

Скажете, Николай Николаевич, похвальное упорство? Ну, упорство или упрямство, это вопрос. И вряд ли похвальные. Ни названные, ни другие мои произведения в жанре беллетристики литературным событием не стали. Замечены были в печати всего лишь несколько рассказов. Среди них – «Ворон» и «Доктор Вайсберг» из книги «Знак чистого солнца» (из-во «Каменяр», Львов, 1990). Второй был рекомендован студентам Львовского мединститута для чтения. Я могу утешать себя тем, что Даниель Дефо, автор 200 произведений, оставил о себе память одним «Робинзоном Крузо», а плодовитый поэт Руже де Лиль, не напиши он слов к «Марсельезе», был бы давно забыт. Шучу, конечно. Кстати о поэзии. После детских и юношеских опытов вернулся к ней уже в возрасте под пятьдесят. Написал около полутора сотен стихотворений. Опубликовал едва ли пятую часть. Об успехе в день 190-летия Пушкина уже говорил. Ещё к трём стихотворениям композитор Квасневский написал музыку. Говорят, эти романсы до последнего времени исполнялись во Львове на концертах Русского общества. Стихи о Пушкине выложены в читальном зале Заповедника «Михайловское». Условно успешными можно назвать исторические портреты и миниатюры. Их около 30. Большая часть (в начальном варианте) вошла в 3 том многотомника под общим названием «От горизонта до богов». Постоянно перерабатываемые, они находят спрос электронных и бумажных СМИ, вызывают положительные, в основном, отклики читателей. Вот и все мои следы на Парнасе!

От глубокого разочарования при подведении итогов творчества в «высоком» жанре меня спасает обычно трезвый взгляд на себя. Ещё в юности, посмотрев со стороны на свои «полотна» маслом, рисунки карандашом и тушью, не стал развивать в себе задатки рисовальщика и живописца, на что подталкивала меня мама, сама художница-любительница, бывало, прирабатывавшая заказными полотнами. Свою склонность к рисунку удовлетворил иллюстрированием 4-томника сочинений. Издав во Львове первые книги, покорно, без душевного надлома удостоверился, что русская художественная литература прекрасно обойдётся без писателя Сокурова. Она не заметила, как я вошёл в неё, не заметит и выхода. Аминь! Но, повторяю, я реализовал свою самую заветную детскую мечту. И этим удовлетворён. Посылая Г.Н. Василевичу часть личного литературного архива на хранение, приписал: «*Нет, весь я не умру, душа моя в архиве / В пыли веков тихонько полежит. / И хоть меня никто не вспомнит в мире, / Жучок бумажный долго будет сыт*».

Тешу себя иллюзией, что исключением может стать роман всемирной истории в стихах «Историада». Четыре издания с 2000 по 2007 год (к слову, ни одну свою книгу я не издавал за «свой счёт»). Он вызвал читательскую конференцию в городе учёных Дубне, несколько солидных отзывов, среди них отклики учёных историков С. Нефёдова и В. Волкова. Последний, как директор Института Славяноведения РАН и член Президентского Совета выезжал во Львов на встречу со мной, когда стала достоянием гласности первая на советской периферии организация русского меньшинства. До трагической гибели Владимира Константиновича мы сохраняли дружеские отношения.

Приём в Союз писателей СССР – тоже событие, но в главном событии. В советское время «красная книжечка» члена самой элитарной самодеятельной (считалось) организации позволяла печататься в более короткой «писательской очереди», без внешних рецензий, рассчитывать на дефицитные «пайки» к праздникам, пользоваться закрытыми поликлиниками и получать доступ к многому, не доступному для простых смертных. Но обмануть думающего её обладателя не могла: в организацию входили и некоторые футбольные комментаторы…

Есть жанр, в котором я не могу укорять ни себя, ни Фортуну. Я придал первостепенное значение публицистике лишь с начала нового века (правда, в часы досуга за три года осилил 1000-страничный роман «Феодора», но это дань давнему увлечению). Насколько мне удалось продвинуться в пренебрегаемом дотоле жанре, свидетельствуют 445 обнаруженных мной на сегодня перепечаток примерно 50 статей, размещённых, в основном, на сайтах. Откликов – масса, со знаками «+» и «-». Но чаще комментаторы переругиваются между собой. Перефразирую: ***если читатели мыслят, значит, писатель существует***. Высшим достижением считаю издание в 2009 году Московского Дома соотечественника при поддержке Правительства Москвы сборника публицистики «Мотивы новой Руины». Именно подборка сочинений «из малороссийских тетрадей» понудила Союз журналистов Москвы, Департамент международных связей ПМ, возглавляемый известным дипломатом Г. Л. Мурадовым, Дом соотечественников (директор Ю. И. Каплун), а также Международный Совет российских соотечественников к серии наград к моему юбилею.

От Н. Н. Ярёменко:

Писатель Сокуров рассмеялся на моё предложение приложить к интервью библиографию: в ней до 900 пунктов! Но представил краткую информацию О. Лютикова о творческой и общественной деятельности. Здесь я размещаю первую часть исследования. Под ней прилагаю часть отзывов, о которых говорит Сокуров. Думаю, это дополнит словесную картину жизни моего героя.

Литературный труд

С. А. Сокуров публикуется с 1968 года. В союзе писателей СССР с 28 дек. 1988 г., сейчас член Союза писателей России (Московская организация, удостоверение № М-2885). Из Нац. Спилкы пысьмэнныкив Украйины вышел после 1991 г. в знак протеста против дискриминации русского языка на Украине. Часть литературного архива писателя находится в Государственном мемориальном музее-заповеднике «Михайловское» (г. Пушкинские Горы, Псковская область). Директор заповедника Г.Н. Василевич, открывая для С. Сокурова личный регистр хранения, сказал: «*Вы один из тех людей, что во имя Пушкина не столько красиво говорят, но действуют. И дело это по своей сути глубоко пушкинское».*

С. Сокуров – прозаик, поэт, публицист. Основные темы: патриотическая, история Отечества и зарубежья, жизнеописания знаменитых людей, беллетристика, личная лирика, критика извращений в области культуры и истории, популяризация достижений науки и искусств, др.

На 2010 год С. Сокуров – автор 21 книги, ок. 900 публикаций в периодике (более 400 сочинений размещены на сайтах России, Украины, Казахстана, дальнего зарубежья). Многочисленные выступления по радио, на телевидении.

Призёр (2-я и 3-я премии) конкурсов газ. Известия (1969), газ. Сельская жизнь (1987), областной прессы во Львове.

Награждён серебряной Пушкинской медалью Фонда 200-летия А. Пушкина (теперь Международный Пушкинский фонд «Классика»), назван попечителем Фонда «*за большой вклад в осуществлении программ отечественной культуры*» (1999). В 2009 году совместным решением Правительства Москвы и Союза журналистов Москвы признан журналистом года с вручением Диплома «*за серию материалов в поддержку российских соотечественников, проживающих за рубежом, и русского языка на постсоветском пространстве*» и денежной премии. К 70-летию (9 апреля 2010) Сокурову вручены медаль и Диплом СПР.

Повести, рассказы, отрывки из романов, очерки, статьи, исторические портреты и миниатюры, стихотворения Сокурова печатались на русском языке, в переводах на украинский, английский, др. в газетах гг. Москвы, Киева, Львова, Пскова, Орла, др., таких как **Известия, Сельская жизнь, Литературная газета, Учительская газета, Культура, Союзная газета, Совесть, Львовская правда, Вильна Украина, Ленинська молодь, Литературна Украина, Орловская правда, Слава Родины, Советский патриот, Комсомольское знамя, Голос Родины, Русский вестник, Автограф, Реалист, Вечерний Киев, еженед. 2000, Книжная газета, Строительная газета, Военный железнодорожник, Найди себя, Можешь, Подмосковные известия, Русская правда, День за днём, Высокий замок. Независимая газета, Пушкиногорье, News from Ukraine** (список не полный).

Некоторые публикации в журналах **Москва и соотечественники, Украина, Юный натуралист, Химия и жизнь, Ридна природа, Жовтень, Призыв, Книга и время, Образование, Братина…** Публикации **в информационно-аналитических сборниках** ГД ФС РФ, Конгресса русских организаций западной Украины, МИГПИ, Клуба «Реалисты»; **в коллективных изданиях**: Пост имения Ярослава Галана, Автограф, Вдохновение, юб. изд. Федерации Мира и согласия (40 биографий Галереи миротворцев) в 2009 г.

Отдельные книги:

1. **Каменное море**. Очерки и рассказы. Львов, 1975.
2. **Тетис.** Рассказы. Львов. 1982.
3. **Первый день юности**. Рассказы. Львов, 1990.
4. **Знак чистого солнца**. Повести и рассказы. Львов, 1990.
5. **Ретро**. Лирический буклет. Львов, 1990.
6. **Миражи Четвёртого Рима**. Эссе. Москва, 1997.
7. **Лирика заката**. Стихотворения. Москва, 1998.
8. **Очерки истории русского движения в Галиции**. Москва, 1999.
9. **Столяров.** Серия «Личность и время». Москва, 1999.
10. **Стальные нити судьбы**. Серия «Личность и время». Москва, 1999.
11. **Пашин.** Испытание жизнью. Серия «Личность и время». Москва, 1999.
12. **Историада**. Исторические воспоминания в секстинах. Москва, 2000.
13. **Историада**. Поэтические образы всемирной истории. Москва, 2002.
14. **Историада.** Всемирная история в эпических поэмах. Москва, 2003.
15. I том 4-томника: **Ворота Туманов.** Роман. Москва, 2006.
16. II том 4-томника: **Миллионы белого генерала.** Повесть. Москва, 2006.
17. III том 4-томника: **От горизонта до богов**. Исторические миниатюры. М, 2006.
18. IV том 4-томника: **Океан Тетис**. Повести и рассказы. М, 2007.
19. **Историада.** Роман всемирной истории в стихах. М, 2007
20. **Мотивы новой Руины**. Сборник публицистики. М, 2009
21. **10 лет как один миг.** Документальная повесть (на диске). М, 2005

Примечания:

а) написан и подготовлен к изданию 900-страничный роман «**Феодора**» из отечественной истории 1812 -2002 гг;

б) известные псевдонимы: Сергей (всюду) Сокуров-Величко, Величко, Анатольев, Фролов, также О.К.Русов и Серж д'Анкур.

Отзывы на литературное творчество

1. На книгу Сергея Сокурова «Историада»

***

Осмелюсь утверждать, что книга С.А. Сокурова не имеет аналогов в художественной литературе, не говоря уже о научной. Эта новизна сразу же подкупает читателя. Автор поставил перед собой неподъёмную, казалось бы, задачу – отобразить историю человечества в стихотворной форме. Но это – только на первый взгляд. Внимательно ознакомившись с книгой, убеждаешься, что с поставленной перед собой задачей он справился. И не в последнюю очередь благодаря тому, что дерзость в замысле он умерил охватом исторического процесса, исходя из расчета объема знаний будущего читателя рамками хорошо усвоенного школьного курса. Подавляющее большинство людей редко выходит за эти рамки, а после завершения школьного обучения пополняет свои знания в области истории либо за счет чтения исторических романов, либо исторической публицистики. И прочтение такого труда будет для многих именно воспоминаниями, суммирующими их знания в доходчивой и образной форме.

Сказанное выше лишь подчеркивает творческий размах и явную просветительскую актуальность книги. Стихотворная форма дает автору и право, и возможность создать запоминающиеся образы, поразмышлять на историко-философские темы вроде того, что надо понимать под прогрессом, что такое война с точки зрения общественного развития, в чем смысл гуманизма

и т.д. Но главное – отобразить исторический процесс в емких и запоминающихся разделах с уважением к исторической науке. Перед читателем проходят имена и краткие характеристики наиболее значимых лиц, а также событий, воскрешая дух того времени. Конечно, для него в центре внимания стоит Европа, причем в разных хронологических срезах. Здесь, на мой взгляд, явные симпатии автора отданы важнейшим техническим открытиям («станок печатный, пушка, каравелла»), которые предопределили европоцентризм мирового развития.

Естественно встает вопрос, на кого рассчитана такая книга. Ответ на него довольно прост: ей уготована широкая читательская аудитория. Это прежде всего преподаватели истории. Далее, любознательные школьники, а также и студенты факультетов гуманитарного профиля, в первую очередь историки и филологи. Наконец, просто люди, интересующиеся историей. Выбранный автором жанр привлечет многих, не исключено, что на первых порах из простого любопытства, а затем и более глубокого интереса. Во вступительном слове к читателю автор сам призывает тех, кто может, последовать его примеру.

В.К. Волков, доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент РАН,
директор Института Славяноведения РАН

* * *

История есть сама жизнь, и идея художественного изложения истории стара, как мир: можно вспомнить «Энеиду» Вергилия или «Шах-наме» Фирдоуси. Однако позже, когда история стала претендовать на звание науки, историки стали писать прозой – хотя некоторые из них по-прежнему пытались совместить историю с романом – как Карамзин или Луи Блан. Но в XX веке история окончательно перешла на наукообразный язык, и идея стихотворного изложения стала казаться непривычной, чрезвычайно трудной, практически нереализуемой.

Нужно прежде всего отдать должное смелости С.А. Сокурова, который не побоялся вернуться к этой идее, не испугался подставить себя под огонь «научной» критики. Эта смелость была вознаграждена тем, что автору удалось возродить уже забытый жанр стихотворной истории, удалось создать всемирную историю в секстинах.

Стихотворный жанр имеет многие преимущества: история, поданная как героическая поэма, показывает величие, монументальность событий – то, что трудно отобразить в прозе. Поэтому-то секстины С.А. Сокурова получились такими яркими и запоминающимися. Конечно, передача *всемирной* истории в стихах – задача, требующая колоссального труда, поэтому одни события освещаются достаточно подробно, другие же упоминаются вкратце и это может вызвать упрек критиков, но, уверен, эта необычная книга будет с интересом принята многими тысячами читателей.

С.А. Нефедов,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН

* * *

Предлагаемая вниманию читателя книга – едва ли не первое издание подобного типа.

Сам автор назвал свою книгу историческими воспоминаниями в стихах, свободными от хронологии. Конечно, книга не является ни учебником, ни справочным пособием, ни даже научно-популярной литературой, но именно в этом и заключается ее прелесть. История здесь предстает в ненавязчивой форме, что обусловлено необычностью и легкостью подачи материала.

Кому же может быть адресована «Историада»? Современная методика преподавания истории в школе требует от учи-

теля ежедневного использования творческих заданий на всех этапах урока. Стихотворная история С. Сокурова может стать подспорьем для учителя. Секстины могут быть использованы как для иллюстрации учебного материала, так и для творческой реконструкции учеником событий по предлагаемым автором образам.

Образность – главное достоинство книги. Дети легче и охотнее запоминают образы, чем сухие факты и даты. В то же время секстины – это не констатация исторических фактов, а впечатления, навеянные автору этими фактами, поэтому сравнение их с учебным материалом стимулирует творческую деятельность ученика. Такая деятельность требует совместных усилий учеников и учителя, поскольку для самостоятельного прочтения сам автор рекомендует книгу уже знакомому со школьным курсом истории.

Наверняка исторические воспоминания С. Сокурова заинтересуют и читателя, который, не став историком, все же не утратил интереса к прошлому человечества. Тем, кто вырос из школьных учебников, кто научную литературу считает скучной, но все же не прочь освежить собственные исторические воспоминания, адресована книга С. Сокурова.

Евсеева Е.С., учитель истории,
заместитель директора школы № 17, г. Львов

2. На исторические портреты и миниатюры

Ваши исторические очерки достойны самой высокой оценки, и жаль только, что их не так много, как должно бы быть. Жанр этот увлекателен, но требует большой работы с источниками, поэтому наши писатели обращаются к нему неохотно, предпочитая более лёгкую стезю. Тем интереснее исторические миниатюры в исполнении настоящих мастеров слова – таких как Стефан Цвейг или Сергей Сокуров.

С. Нефёдов, ст. н.с. ИИА УрО РАН.

3. На публицистику

Уважаемый Сергей Анатольевич!

Вы - человек, последовательно отстаивающий интересы России и русских на "теренах" ближнего зарубежья, человек, не боящийся высказывать мысли, которые зачастую вызывают неприятие, а то и раздражение и ненависть у оппонентов. Именно поэтому - за Вашу принципиальность и неприспособленчество я и питаю к вам чувство глубокого уважения.

Владимир Самборский, предприниматель, меценат.

Мемориал Стуса:

Якщо тяжке становище окупованих русинів на Заході Русі гріє тобі душу, сука, то твоя черга прийде. Так що витрачай швидше свої московську зарплату в газорублях, тільки не забудь купити квиток на Москву, бо можеш не виїхати. Едь в Московию, пока не позно, безумец!

На «Особенности украинской соборности» в издании «2000»:

Ох и взвоют "свидомые", ох и затрясут отточенными трезубцами, запузырится пена на искривленных ненавистью губах ,закапает слюна ядовитая с тягнибоковских клыков! Но против правды не попрешь! Слава Богу,автор в России,не достанут недобитки бандеровские.

Умнейший и благородный Сергей Сокуров раздел догола Ющенко, Тимошенко и всю свору примитивных невежд кендзеров, ратушных, тягнибоков, юхновских, кульчицких, павлычек и драчей.

На статью о Дм. Павлычко:

- Очень хорошо, талантливо и с чувством написанная статья. Всё правильно сказано. Надо добиваться, чтобы такое мнение было обязательно доведено до высших чинов и правителей России. Надо, чтобы все в России знали, что происходит на

оккупированной русской земле. Малороссия - преступно переименованная ленинской шайкой в нелепую "Украину" - это русская земля, колыбель русской нации, и она должна быть освобождена и возвращена русскому народу. Нельзя допустить, чтобы эта земля стала плацдармом вражды к России и ко всему русскому!

- Презентацию книг С. Сокурова, как публицистики так и художественных, непременно надо провести в Киеве, в Россотрудничестве. Сергей талантливый прозаик и публицист, думаю, вечер Сокурова украсил бы не только "Русскую правду", а и деятельность ВОО Союза русских журналистов и литераторов...

- Таких аналитиков в детстве из рогатки убивать надо... Татаро-финн убогий.

Я сам українець і цим горжусь. В мене немає краплі російської крові в жилах. Я знаю свій родовід далі аніж пан Сокуров. Але я дуже поважаю російську культуру та її мову хоч і живу на Заході України, а не в Харкові. Тобто цим я хочу підкреслити той факт, що не тільки проросіяни та проруси можуть любити російську мову та культуру яку вона несе. Я також історик і тенденція усього минулого тисячоліття підказує мені, що немає милішої думки для ЗАХОДУ (іудео-християнських екстремістів), аніж смерть усього словянства, асиміляція та забуття. Чехи про яких згадував один пан, запевняли мене в турі, що вони... - словянізовані німці - це ж абсурд! Розділяй та владарюй! Спочатку роздробимо Російську імперію (єдинна словянська країна, яка за нелюдських історичних умов змогла зберегти (хоч і в сильно обтріпаному вигляді) "руську" автохтоність у своїй культурі. Черт забирай, ми забули що таке був Київ, а вони до цих пір памятають...) - а потім будемо дробити частини на частини... Нам кінець. Що ще мені подобається - при всій своїй надуманості в статтях на зразок до цієї набагато більше послідовності, обєктивності та стриманності аніж в

західноукраїнських такого ж гатунку. Пану, який заперечував насильницьку українізацію - ви неправі. Я багато раз був свідком репресивних дій з боку викладачів-фанатиків щодо російськомовних студентів, тощо. І це лише краплинка - таке явище безумовно має місце і його безглуздо заперечувати.

Искандер .

На статью «Казнь по-древлянски»:

- Не бачу у статті нічого такого, що може викликати обурення "свідомого пана". Навпаки, стаття насичена любов'ю до малоросів та ірончним ставленням до тих, кто робить з колиски Русі колиску справжніх уродів та невигласів. Не грязной руганью надо отвечать на мнение, с которым вы несогласны, а опровергать абзац за абзацем контрмнениями. Что, слабо!? Не дотянуть вам до такого «уродца», не пытайтесь! Вам лучше молчать или зубы хорошенько почистить перед тем, как «розчавити рота».

- Сокуров - самый скучный автор. Балабол и фантазер. НА МЫЛО!

- На мыло надо всех бандерлогов и провокаторов, типа Нерусского, засоряющих сеть. А статья хорошая: и в плане аналитики, и в плане публицистики, и стиля. Это вам, паны свидомиты не посты писать...Молодец, Сокуров, пиши дальше...

***

Глубокоуважаемый Сергей Анатольевич! Было очень приятно получить в этот знаменательный для всех нас день строки, полные доброты и тепла. Замечательно, что есть ещё на свете такие люди, как Вы, самозабвенно служащие имени Пушкина. Мы знаем, как много сделано Вами для сохранения и популяризации не только имени великого поэта, но и того языка, на котором он творил. Низко кланяемся и всегда рады видеть Вас и Ваших близких гостями Пушкинского Заповедника.

Спасибо Вам за прекрасные поэтические строки! Всегда жду Вас в Михайловском.

Ваш, Георгий Василевич, директор ГМЗС «Михайловское».

4.Информация ряда сайтов:

День российской прессы, 2009

2 января 1703 г. по ст.ст. Указом Петра I вышел первый номер газеты «Ведомости».
В новой России это **День Российской прессы.**

15 января 2010 г. **Президиум Союза журналистов Москвы** устроил по этому случаю приём в отеле «Ритц-Карлтон» (Москва).

Были названы и чествовались отдельные журналисты, отмечены издания, обычные и электронные, теле- и радиостудии, внёсшие заметный вклад в журналистику столицы, в которой трудятся 14 тысяч мастеров периодики и др. СМИ.

В числе *журналистов года* **ДИПЛОМОМ Правительства Москвы** и **Союза журналистов Москвы** награждён ***Сокуров Сергей Анатольевич***,
прозаик, поэт, публицист, член Союза писателей России,

за серию материалов в печатных и электронных СМИ в поддержку российских соотечественников, проживающих за рубежом, и русского языка на постсоветском пространстве.

III.

Вторым по значению событием моей жизни уверенно называю создание в Галиции организации русской культуры. Если на жизнь писателя я был настроен с детства, следовал в этом направлении согласно внутреннему голосу, то общественное служение было противно моей натуре. Какие-то качества, их реализация в школьных коллективах позволили классному руководителю называть меня в характеристике лидером, что послужило основани-

ем моего избрания «по рекомендации» директора комсоргом школы-семилетки. Видимо, педагоги заметили во мне соответствующие задатки, предположили наличие авторитета среди сверстников. Я же думаю, в «кривом зеркале» отразилась обыкновенная напористость, стремление добиваться своего, идти до конца, каким бы он ни был. Со мной трудно было спорить, ибо я духом и телом был неутомим. Но в коллективе этого хватало лишь на порыв. И чем больше энергии он у меня забирал, тем больше времени требовалось потом на то, чтобы вновь почувствовать вкус к деятельности в толпе. В периоды «отдыха» уходил в себя, искал уединения, но в нём становился активен, не скучал. Мир, созерцаемый со стороны, с комфортного удаления, становился для меня более интересен, чем при нахождении в нём. Годы мало меняли моё душевное устройство. Став геологом, я всеми правдами и неправдами выходил в маршруты без напарника, что запрещалось инструкцией. В выходные дни, когда коллеги проводили досуг, «кучкуясь», я забирался в пустые библиотеки, обходил книжные магазины, если те и другие находилось вблизи баз изыскателей. А то и углублялся в горное безлюдье для чтения и писательской работы у костра.

И вот представьте себе, Николай Николаевич, что волею обстоятельств такая неподходящая для массового движения натура бросается с головой в густое человеческое месиво, кипящее от внутриполитических событий страны. В «перестроечное время», в одном, пусть не горячем, однако достаточно разогретом месте. Какие это были обстоятельства, можно прочесть в моей книге «Очерки истории русского национально-культурного движения в Галиции (1988-1993 годы)», изданной Клубом «Реалисты» (Москва) в 1999 году. Хоть на куски меня режьте, пересказывать не буду даже бегом. Экземпляра не подарю. У меня один, последний.

От Н.Н. Ярёменко:

Названной книги Сокурова в местах моих исканий не обнаружилось. Пока метал в интервьюируемого дополнительные, наводящие вопросы, воспользовался второй частью исследования О. Лютикова. Привожу полностью:

Общественная деятельность С.А. Сокурова

Началась в мае 1988 г. На празднике прессы во Львове он озвучил через СМИ своё намерение создать в Карпатском регионе общественное движение в защиту русской культуры в условиях усиления националистических настроений среди коренного населения. Для реализации плана Сокуров ушёл из геологии, которой отдал 30 лет жизни. Организация создавалась летом. После учредительной конференции 24 сентября она была зарегистрирована во Львовской области. Сейчас носит название **Русское общество им. А. Пушкина** (далее – Общество). Сокуров стал первым его координатором (руководителем) в 1988 - 1993 гг. Согласно справочнику «Организации российских соотечественников в зарубежных государствах» (Дрофа. М., 2001), Общество – первая на постсоветском пространстве организация такого типа. В 1990 г. благодаря бойцовским и дипломатическим качествам её лидера, городские (руховские уже) власти передали ей здание кинотеатра под **Русский культурный центр** (РКЦ).

Изначально Общество и РКЦ стали средоточием русской культуры и образования в регионе. При них возникли клубы по интересам, литмузобъединения, театры, кружки детского творчества и т.п. Здесь по сей день проводятся праздники русской и других культур (см «Очерки…» Сокурова, под № 8 книжного списка). Сокуров стал одним из основателей под эгидой Общества **ассоциаций «Русская школа» и «Русский дом», Пушкинского центра при СШ № 45** (директор и лидер РШ В.В. Кравченко), **Международных Пушкинских конкурсов**.

Во второй половине 90-х гг. авторитет Общества стал таков, что вокруг него сначала образовалась **Конфедерация** родственных организаций западных областей, затем руководители Общества и Конфедерации возглавили **Русское движение Украины (РДУ).**

На каждом этапе Сокуров – одна из центральных фигур русской общественной жизни в диаспоре. Живя с 1994 г. в Подмосковье, он остаётся работающим **Почётным Координатором Общества,** много лет входил в руководящий состав РДУ, являясь его (и Общества) **Полномочным Представителем в РФ.** В 2000 г. Сокуров инициирует **Международный союз общественных организаций «Русь Единая».**

Общественная деятельность Сокурова оценена РПЦ Орденом Преподобного Сергия Радонежского 3-й степени («*Во внимание к трудам*»), грамотой Митрополита Владимира (Киев), Почётным знаком Международного Совета российских соотечественников (МСРС) № 20 «*За вклад в сплочение русского мира*». Есть у него иные награды.

IV.

Чую, Николай Николаевич, что общение с Олегом Юрьевичем обогатило ваш вопросник. Постараюсь удовлетворить ваше любопытство, имея под рукой «Очерки истории движения».

Говоря «высоким слогом», наступала осень моей жизни. Меня всё сильнее тянуло в некую современную *пустынь* (такую, где «помещичий» быт, телевизор, заполненный холодильник, машина во дворе для поездок в *мир* по необходимости; рядом жена, дети и мама, иногда друзья – по приглашению; но никакого *коллектива* сотрудников. И без незваных гостей). Моим идеалом стал письмен-

ный стол за закрытой дверью, прогулки на природе или ранним утром по пустынным улицам. Но время породило *перестройку*, и на её волнах закачался привычный мир, казавшийся незыблемым, как египетские пирамиды. «Нельзя» стало синонимом «можно», многое из запретного стало доступным. А *запретный плод*, известно, *сладок.* Большевики своей неуклюжей пропагандой на Западной Украине лишь загнали самостийную тоску вглубь, а произведя на свет многочисленный класс интеллигентов-пролетариев простым почкованием от местных селян, *«подавленных убожеством»* (по П. Кулишу), создали тем самым полигон для *«пассионарного взрыва»* «Пассионариям» оставалось дождаться благоприятных условий… Горбачёвская перестройка, спотыкаясь и суетясь, совершая непредсказуемые телодвижения, в первую очередь растолкала местную творческую интеллигенцию и учительство.

Я уже был вхож во Львовское отделение Союза писателей Украины, в *спілку,* как гость, негласный кандидат в действительные члены. Там стал свидетелем *перевозбуждения* национального самосознания в этом более чем закрытом клане. Тогда оно казалось безобидным, объяснимым и даже оправданным (каково ощущать себя шестьсот лет обитателями национальных задворок!). «Ниточка» от него до национализма и дальше – до национальной исключительности – не прослеживалась большинством свидетелей, мною в том числе. Но было смутное предчувствие, что возникнут проблемы: станет ухудшаться комфортность существования русскоговорящих, которых только в 800-тысячном Львове было около 150 тысяч, превращение их в *нацменшину* со всеми вытекающими последствиями этого статуса в специфических условиях «*Украйинського Пьемонту».* Специфика же была такова: наименее «русифицированный» регион Украины (Галиция и Волынь) с населением семь

миллионов человек не забыл традиций терроризма довоенных годов и *бандеровщины* в 1942-1952 годах. Эти традиции и собственная логика свалившейся из Москвы, как снег на голову, *воли* приведут с наступлением последнего десятилетия века к реальному *поражению в правах* сотен тысяч русских в Прикарпатье, несмотря на все распрекраснейшие законы Украины, фактически к превращению их в граждан второго сорта. Я называю русскими всех русскоговорящих.

Виделось два пути защиты соотечественников, бросаемых прародиной на произвол *корінного населення*: первый – взаимно удовлетворительное сотрудничество с новой властью, лидерами политических течений и культуры; второй – создание самодеятельной организации русского меньшинства. Разумным казалось добиться удовлетворительных результатов здесь и там. Больших затруднений в реализации задуманного не предвидел. Украинская культурная элита относилась ко мне с доверием, так как моя нравственная позиция, по отношению к *украинскому культурному возрождению*, проявленная в публицистике тех лет, была, как принято называть, прогрессивной. Я всегда считал, что любой этнос имеет естественное право на самовыражение в родном слове и непрерывно создаваемой им культуре, а тесно сожительствующие этносы (как во Львове) не имеют альтернативы искреннего, с полной отдачей, сотрудничеству и взаимопомощи в духовной сфере. Упрощённо: *вы – нам, мы – вам; услуга за услугу.* В этом я, как оказалось, был не одинок.

Громкое, но далеко не всегда искреннее одобрение такой гражданской позиции украинскими писателями Олийныком, Яворивским, Мушкетиком, Дзюбой, Иванычуком, Лубкивским, Братунём, идеологом украинизма,

А. С. Фролов,
1913 г.

Е. Ил. Чебалдова,
ур. Величко,
конец XIX в.

Е. Ив. Фролова,
ур. Чебалдова,
1905 г.

О. А. Сокурова,
ур. Фролова, 1953 г.

А. Н. Сокуров, 1934 г.

С. Сокуров
Время 1-й книги, 1975 г.

Альвина Сокурова, 1960 г.

С. Сокуров
Время Русского общества, 1990 г.

Дочь Оля с Артуром

Сыновья Алексей и Александр Сокуровы

Внучка Юля Сокурова

Оля с Варей (дочь и внучка)

Сокуровы, Валя с Дашей

Внучка Варя

Внучка Даша

Сестрички Даша и Варя Сокуровы

Счастливый дед

профессором Мичиганского университета Шпорлюком ослабило для нас, единомышленников, силы противодействия на галицийском поле. К тому же они сами находились в условиях внутренней борьбы за влияние. А когда, наконец, объединились против нас, мы уже имели свой культурный центр, оказывали влияние на нашу национальную школу, наладили всесторонние связи с Россией, отработали систему правовой защиты и экономической независимости, укрепляли единство по духовным признакам русскости.

До появления организации, я имел возможность излагать свои взгляды на проблему общежития двух этносов не только через печать. После того, как меня, считаясь с общественным мнением, ввели в члены Правления Львовского отделения Украинского фонда культуры (далее УФК), я стал принимать участие почти во всех его акциях. К лету 1988 года образовался малый круг львовян, разделяющих мои взгляды на формы участия русских в общем культурном движении разноплеменного Львова. Но как сделать свои взгляды достоянием широкой общественности? Необходимо было выбросить информацию громким, коротким залпом в массы, во все стороны, чтобы противники русского единства не успели опомниться, перекрыть каналы СМИ или дать по ним встречную негативную информацию.

Благоприятный случай представился 8 мая 1988 года на городском Празднике прессы в парке имени Богдана Хмельницкого. По сценарию устроителей, мне предоставлялось слово у микрофона перед публикой под открытым небом. Ожидая своей очереди, осмотрелся: народу – не протолкнёшься, корреспонденты газет и журналов, радио, камеры телевидения. Руководящий, культурный, образова-

тельный и учёный бомонд. Когда ещё представится другой такой случай!? Выйдя к микрофону, объявил о создании ***русского национально-культурного движения***, как о факте состоявшемся. Это не было блефом. Подтвердить мои слова могли единомышленники – Альвина и Алексей, Ольга Алексеевна Сокуровы, кое-кто из наших друзей, бывший политрук Сергеев. Словом, организационная группка существовала. К концу лета нас, единомышленников, стало несколько десятков; спецшкола генерала Филоненко и классы некоторых русских средних учебных заведений выразили желание стать коллективными членами организации. Друзья доверили мне разработать устав организации и план работ. Учредительное Собрание 24 сентября провозгласило самодеятельную организацию. Руководителем, *с титулом координатор*, выкрикнули меня.

Из профессионального «цеха» геологов и узкого писательского круга я попал в самый центр пёстрого, крайне противоречивого, ещё чётко не разделённого на «титульных» и «не титульных» водоворота культуры и политики. Там вращались «властители дум», в основном, областного масштаба, такие, как поэты Чумарна, Братунь и Петренко, умная и настойчивая журналистка Базилюк; дурак дураком, слезливый и утомительно активный преподаватель журналистики из Львовского государственного университета Лось, их коллега из *часописа* «За Вильну Украйину» всеядный «разночинец» Чемерис, воитель против всех проявлений русскости; осторожный глава «львивськых пысьмэнныкив» Лубкивский, долго не решавшийся изменить коммунистической идеологии (а вдруг она возродится раньше, чем восторжествует самостийность?). Выделялись «пассионарностью» прозаик Бичуя (редактор «Просвіти», всё чаще переходящий с *мовы* на фашистскую речь), сценический чтец-декламатор Максимчук, мечтающие вслух

об «Украине для украинцев». Активно ожидал своего *звёздного часа* террорист по призванию, просвещённый самостийник и расист-украинец Витович. Время наступило такое, что во «властители дум» протискивался всякий, давя конкурента, кто мало-мальски способен был держать перо и кисть, изображать из себя *митця* или *науковця,* или просто сильно жаждать известности (благо, почти ежедневные митинги-вече такую возможность давали). К ним иногда примыкали истомившиеся в тени, в безвестности «самородки» из русских – скандально известный вождь любителей забастовок Фурманов, в прошлом мелкий правонарушитель, также шумно ратующий за «Украину для украинцев»; бездарная поэтесса Турбал, ищущая щёлку в Союз писателей; названный выше Сергеев, не удовлетворённый второй ролью в организации, искусствовед-девица Мирослава Майорчук с бредовой идеей *покаяния*.

За первые 24 месяца в хронике Движения зафиксировано около 80 акций, в основном, культурных. Актив общества не превышал 50 человек, общественная поддержка учёту не поддаётся: от нескольких десятков при мероприятиях «камерных», до несколько сот в залах и под открытым небом. Первая церковная панихида по Александру Пушкину (и первая в стране!) собрала столько народа, что Свято-Георгиевский храм, двор и улица Короленко были заполнены плотной толпой. Среди наших активистов были представители творческой, научно-технической интеллигенции, работники просвещения, рабочие, студенты, школьники. У нас они проходили добровольную службу ума и духа, оставляя за спиной равнодушие, нередко агрессивное непонимание обывательской среды. На этой службе появлялась возможность проверить свою интеллигентность. Только ли дипломом об образовании удостоверяется она? Своими мероприятиями мы старались в первую оче-

редь привлечь внимание общественности к явлениям истории, духовной жизни, одинаково близким двум основным языковым группам единой страны. Таким явлением, например, была деятельность первопечатника диакона Ивана Фёдорова, плодотворно работавшего и похороненного во Львове.

Наши взаимоотношения с Русской Православной Церковью изначально были тесными. Настоятель Свято-Георгиевского храма, митрофорный протоиерей о. Василий Осташевский, не отказывал нам в богослужениях, а мы, если не стали ревностными прихожанами, то разглядели в православии неотъемлемую составляющую отечественной истории, культуры. Без РПЦ, мы осознали, не будет ни духовного здоровья, ни закрепления патриотических чувств ко всё удаляющейся России. В тревожные дни, когда усилилась угроза со стороны униатов, наши активисты выходили на дежурство к храму. В своё время об этом вспомнит патриарх Алексий Второй, награждая меня Орденом Сергия Радонежского. Под сводами нашего храма были освящены знамёна Общества и примкнувшего к нему Суворовского клуба. Церковь брала под свою опеку русские школы, культурные центры по мере их возникновения в Дрогобыче, Червонограде, Сокале, Тернополе, Ивано-Франковске. Священнослужители были гостями большинства наших праздников, помогали нам морально и материально, дали жизнь первой Воскресной школе.

21 августа 1990 года Облсовет передал нашей организации здание кинотеатра имени Короленко. Этой блестящей победе, не повторенной до конца века ни одной русской самодеятельной организацией на территории УССР-Украины, предшествовала упорная, продолжительная работа в течение всего лета. Необходимо было прежде

всего сформировать благоприятное для нас общественное мнение в неблагоприятной среде и обстановке. Некоторые из десятка национальных обществ во Львове «выбили» у горсовета комнаты в общих зданиях. Даже всесильное «Товарыство мовы» не имело отдельного здания, тем более такого, что досталось нам на склоне горы с названием Высокий Замок. За стеной - Свято-Георгиевский храм. С этого времени начался «Золотой Век» Русского общества имени Пушкина, в который автономно входила Ассоциация «Русская школа» под руководством Владимира Кравченко. Она массово усилила организацию школьными и вузовскими педагогами, старшеклассниками и студентами, их родителями и близкими. За ними потянулись к нам *разночинные* львовяне, среди них настоящие подвижники, такие как Сергей Евсеев, впоследствии неординарный публицист, учительницы-«русачки» Инна Тугай и Юдифь Львова. Среди них называю Альвину Сокурову. И для неё служба соотечественникам стала призванием. Иногда, в моё отсутствие, когда Совет пребывал в нерешительности, готова была взять от моего имени ответственность за решение проблемы. Как женщина, она не могла не предвидеть, что ломка всего жизненного уклада, с которой её муж начал новую жизнь, несёт в себе опасность для семьи. Взять хотя бы мой уход из геологии, потеря сравнительно хорошей зарплаты. Аля из того материала, что и декабристки; это она доказывала не раз, особенно в последние полтора десятка лет.

На втором году существования Общество достигло такого влияния, что руховская власть не упускала возможности использовать его как пример своей «похвальной» (на публику) политики по отношению к русскоязычным жителям области. Наши мероприятия посещали узнаваемые лица местной правящей элиты, наших представителей при-

глашали на многие городские и областные торжества. Даже концерт, организованный Обществом и Фондом Украинской культуры в день моего 50-летия, почтил мэр города, пан Шпицер с супругой, представители *Обласного управління культури*. Словом, демонстрировалась «гармония»…

В первый день зимы 91-го года объявилась *нэзалэжна Украйина*. Мы, как и подавляющее большинство граждан умиравшего СССР, отнеслись к этому событию легкомысленно: ну, разбежались по разным углам, дом ведь общий; захотелось поиграть «меньшему брату» в самостийность, Союз ведь нерушим, как ни назови его, хоть конфедерация, хоть СНГ! И парламент новой Украины дал гарантии – *«всем народам, национальным группам и гражданам равные права»*, право *«свободного* пользования *родным языком»*. Большинство наших соотечественников, где бы они ни жили (да и большинство местного населения по союзным руспубликам), под суверенитетом тогда понимали ослабление всевластия Центра, не более. Раньше местные власти вслух осуждали антирусские настроения в среде аборигенов. Проявлялись они, в основном, на бытовом уровне, вроде замечания «чому ви розмовляете російською мовою?». Теперь всё чаще стали демонстрировать свою сущность «интеллектуалы». Пример этому - призыв по киевскому радио и в телепрограмме «Віче» поэта Мовчана запретить радио- телепередачи из России на Украину, дабы великодержавные шовинисты не расшатывали суверенные украинские души. То ли ещё будет! Всё чаще стали проявлять верноподданные чувства «незалэжной дэржаве» русскоговорящие украинцы и этнические русские, демонстрируя явление, известное как «янычарство». В газете «Высокий замок» прозвучал голос «русскоязычного» (так он представился) Лашенко, «открывшего»,

что виновником всех перенесённых Украиной несчастий является «русская система ценностей». Всем русским приписывалась «врождённая агрессивность». Не успела газета Общества «Совесть» ответить «разоблачителю», как мы стали объектом погрома со стороны тех, кто, по Лашенко, был носителем, надо полагать, «врождённого миролюбия». С 22 февраля 1992 года начинается хроника нападений на Русский культурный центр, продолжающаяся по сей день. В ней – поджоги здания, выбитые стёкла окон и витрин, похабные «граффити» по фасаду, взорванные двери, разбитый бюст Пушкина в нише при входе в РКЦ, прочие «шалости» русофобов.

В культурологическом и общеобразовательном планах мы делали что могли, но могли, к сожалению, не много. Неблагоприятные события обгоняли нас, окружали, давили со всех сторон. Стало очевидным, что ежемесячная малотиражка «Совесть» скоро останется единственной русской газетой на весь регион. «Высокий замок», этот оборотень «Львовской правды» советского времени, вещал русскими словами, но уже угодливо тиражировал мысли наших недругов. Газета обходила проблемы русских галичан, которые, хотя и стали гражданами Украины, но всё сильнее чувствовали себя эмигрантами в чужой стране. Их последовательно лишали родной школы – основы бытия русского человека (из 24 осталось 5). Ликвидировали все русскоязычные группы в детских садах, отменили репертуар на русском языке в Театре кукол, стеснили донельзя сценическую деятельность театра русской драмы; полиязычные Дома пионеров перепрофилировались в «Будынки дытячойи творчости», где зазвучала только *мова*. А «ВЗ» помалкивал. Власти от протестов отмахивались. Антирусские выпады, случалось, принимали гротескную форму. Вечер памяти композитора Лысенко, назначенный

нами на 6 ноября 1992 года в ОДО, был сорван национал-радикалами под тем предлогом, что, во-первых, в канун Октябрьской революции музицировать не полагается; во-вторых, по словам одного из боевиков УНА-УНСО, перегородивших вход в здание, Лысенко «не ваш композитор». Слава богу, что Верди – не их. Остряки утверждали, скоро нам, русским, запретят пользоваться *мовой,* поскольку это не наш язык. Может быть, поэтому в одной из последних русских школ создали класс, в котором стали изучать латынь.

В то же время на Львовщине выходило из оцепенения компартийное подполье, замаскированное розовыми ширмами легальных социалистов. Те и другие давно поглядывали в сторону владеющего недвижимостью Русского общества. Оно манило открытостью общественного статуса, надёжной юридической «крышей», под которой любой политик мог стать трудно узнаваемым, надев соответствующую маску (например, секретарь горкома КПУ – под личиной культурного лидера). Самостоятельную ценность представляла для бездомных марксистов-ленинцев и эрзац-социалистов крыша материальная. Членам же Общества в партийных планах отводилась роль массовки, которая при умелой режиссуре выражала бы волю общественной организации опытным голосом партии. Местные лидеры распущенной в то время компартии Украины, как оказалось впоследствии, приняли решение внедрить в руководство «пушкинцев» своего человека. Его привёл в нашу организацию ничего не подозревающий Кравченко. Представленный им Анатолий Строгов до увольнения из военно-воздушных сил имел чин генерал-майора, сохранил командирский голос, связи с офицерами, изменившими присяге при переходе в украинскую армию. Экс-генерал принял Культурный центр за своеобразную казарму, в которой по-

зволял себе грубость, матерщину, если случалось осерчать на кого-нибудь из «нижних чинов», был неотёсан. Истинная сущность перспективного новичка проявилась не сразу. Владимира Кравченко товарищ генерал очаровал тем, что мог прочитать по памяти несколько строк из «Лукоморья», где «дуб зеленый». Другие были пленены обещанием Строгова «сдвинуть» с мёртвой точки реконструкцию РКЦ, пользуясь своими старыми военно-политическими связями. И он действительно стал сдвигать. Было у него одно очень положительное качество: независимость от властей, как состоятельного пенсионера, значит, высокая степень личной неуязвимости. Это и другие поверхностные качества делали 59-летнего воздухоплавателя кандидатом в члены Президиума Совета и (смотри дальше!) – в преемники первого координатора общества. Как оказалось вскоре, именно туда – на заветную вершину – смотрели кукловоды Строгова.

К появлению засланного к нам резидента я уже пересидел свой второй (последний, по уставу) срок руководителя организации и готовился передать «жезл» новому избраннику. Поначалу отнёсся к Строгову с безразличием. Тогда я переживал одну из сильнейших в своей жизни депрессий, связанных с перегрузкой нервной системы за последние пять лет, которые я провёл в самом центре общественного круговорота без отпусков, попав в него из сравнительно статичной геологической среды. Забросил писательский труд. И, не поверите, Николай Николаевич, строил совершенно фантастические планы переехать с семьёй на Соловецкие острова. Ответственной работой в историческом заповеднике меня соблазнял, неизвестно из каких соображений, замминистра культуры Российской Федерации Евстигнеев, с которым я познакомился на одном из форумов соотечественников в Москве.

Забеспокоился о судьбе своего создания, когда вслед за Строговым в организацию хлынули другие «разночинцы» с плохо скрываемым компартийным прошлым (райкомовские столоначальники, работники «органов», чиновники-назначенцы от советской культуры, прочие). Тактика строговцев была прозрачной: создать за короткое время численный перевес в организации, чтобы на отчётно-выборной конференции заполнить Совет и Президиум новыми людьми, непременно «своими». Я начал было протестное шевеление, но было уже поздно.

В одном из выпусков «Совести» я публикую своего рода завещание будущему руководителю Общества и единомышленникам под названием «Уже мало просить и ждать. Надо требовать и добиваться». Привожу фрагмент: *«Вам понадобятся лидеры не из риторов или мастеров пера и сценического искусства, а экономисты и дипломаты, юристы и хозяйственники. На конференции вы изберёте нового Координатора Общества. Это должна быть личность известная, положительно проявившая себя в регионе на одном из поприщ служения русской культуре. И в то же время личность, отвечающая требованиям нового времени, новой расстановки сил. Я благодарю вас, мои соратники, за посильное служение в деле сохранения национальных ценностей в эти трудные, долгие и такие скоротечные годы. Радости вам в успехе и мужества в неудачах!».*

Конференция 16 мая 1993 года постановила *«избрать Почётным Координатором Сокурова С.А.»* Также избрали Совет из девяти лиц (среди них только трое, в том числе Кравченко и Евсеев, из старой гвардии, остальные новобранцы, половина «строговцы»). Генерал добился для

себя только должности Председателя Совета. Координатора решили не избирать до осени. Была создана комиссия для пересмотра устава. Последующие действия Строгова выглядели всё более разрушительными для общественной организации. Я убедил Совет кооптировать меня в его состав, ибо «почётное звание» ни на какие рычаги управления право не давало. Сместить за лето Председателя Совета не удалось. Осенью Строгов, с помощью активного меньшинства, овладев Культурным центром, провёл в свою пользу конференцию. За ним осталось председательство в Совете, Культурный центр, печать Общества и доступ к банковскому счёту. Тогда я разработал устав Ассоциации культуры и образования «Русский дом» (АКОРД), куда перешло антистроговское большинство во главе с Кравченко. Им понадобился год, чтобы восстановить Русское общество имени Александра Пушкина. Я стал представителем Ассоциации в Москве, где для меня были открыты многие двери министерств и ведомств, занимавшихся проблемами соотечественников. Помогли старые связи. Это способствовало тому, что в столице России именно АКОРД воспринимался тогда во властных кругах и во влиятельных общественных структурах законной производной от эфемерного теперь Общества, зачатого в 1988 году. Когда сами же «строговцы», уставшие от «культурного лидера» с замашками солдафона, вынудили Строгова покинуть захваченный пост, новый председатель объединился с Кравченко. И восстановленная под первоначальным названием организация – на прежнем месте, в здании РКЦ, рядом со Свято-Георгиевским храмом, у подножия Замковой горы, – продолжила писать благородными делами свою историю. А мне пришлось менять визитки. Ведь я стал Полномочным представителем в РФ Русского общества имени Александра Пушкина.

От Н.Н. Ярёменко:

Когда работа над эссе-интервью была близка к завершению, я случайно обнаружил у одного из почитателей творчества Сергея Сокурова несколько глав из его неопубликованной семейной хроники «Былины и были моего древа». Оказывается, автор охотно, по просьбе друзей, знакомит их с этой работой. И сразу наткнулся на фрагмент, который, думаю, здесь к месту: «*Вечером 1 января 1994 года Альвина проводила меня к поезду «Львов-Москва». Было несказанно грустно. Оба предчувствовали: во Львов я не вернусь, и скоро начнётся ломка семьи, быта, привычек в слепом движении к совершенно новой жизни на новом месте – без денег, без надёжной поддержки, когда уже молодости давно нет, а силы на исходе. С моей стороны это была чистейшей воды авантюра. Аля восприняла её без паники, как роковую данность. Действительно, Аля обладала стойким характером декабристки*».

Я проникся настроением автора. Но знаю ведь, что время тревожных ожиданий у Сокуровых позади, нынешняя жизнь стабильна. Львов для них остался в шестнадцатилетней дали. Впору задать вопрос: неужели переезд в Москву не стал событием, если не равным тем, о которых рассказал только что мой герой, то во всяком случае значительным. Так и спросил у своего заочного собеседника.

V.

По размышлении соглашусь с Вами, Николай Николаевич. В конце концов мы, Сокуровы, вновь оказались все вместе. Притом, дома. До распада СССР нашим домом была вся страна, после – могла быть только Россия. Даже наши малороссийские корни не способны были ощущать родную почву. Украина превращалась не только в «не Россию», но с каждым годом стала терять русскую душу и об-

лик (в широком, общерусском понимании), будучи изнутри оккупированной носителями чуждой ментальности. В Галиции же, где нам назначено было обстоятельствами жизни закончить свои дни, неистребимый *австроукраинский* дух быстро умертвил бы всё, что в единой стране «Русью пахло». Аля не устаёт с восхищением повторять: «Представляешь, мы живём в России, в Москве!» (от нашего дома в Реутове до восточной дуги МКАД 500 метров). И дети удовлетворены. И мама, прожившая на новом месте год с небольшим, без колебаний оставила насиженное место во Львове. Жаль, сестра Алла умерла в чужом краю, рядом с дочерью и внучкой, уже иностранками.

Останься я в Прикарпатье, русскому обществу была бы от меня польза как от любого активиста, ну, может быть чуточку большая. Здесь же мой вклад в родную организацию, затем в образованные её лидерами региональное и всеукраинское объединения, бесспорно, возрос. Повторюсь: способствовали тому старые связи, налаженные в то время, когда самодеятельная организация русских львовян заявила о себе делами, как первая из организаций такого рода ещё на трещавшем по швам советском пространстве. Также сыграл роль тот фактор, что на пятый месяц моего «московского сидения» я стал действовать с видного со всех сторон места, то есть из Государственной Думы, в качестве помощника депутатов. Один из них был зампредседателя Комитета по геополитике, затем по иностранным делам, другой - по делам соотечественников. Когда в Москву прибывали делегации от Русского общества имени Пушкина или Русского движения Украины для решения своих проблем, многие нужные двери были для них уже открыты, будь то в обеих палатах Федерального Собрания, в МИД, в Администрации Президента, в Совете безопасности, на более низких уровнях. А позднейшая

должность начальника отдела издательства и информации в одном из департаментов Московского областного правительства открыла иные возможности, с экономическим уклоном. Когда был создан Международный Совет российских соотечественников и возник Московский Дом соотечественника попечительством мэра Лужкова, я и там оказался узнаваемым лицом, с мнением которого считаются. На портале последнего по сей день веду авторскую рубрику «Обратная связь».

От Н.Н. Ярёменко:

«Основатель русского движения на Западной Украине писатель Сергей Сокуров награждён почётным знаком Международного совета российских соотечественников (МСРС) «За вклад в сплочение Русского мира», сообщает портал «Россия и соотечественники». Тожественная церемония награждения пройдёт 29 марта в Москве, награду вручит председатель МСРС граф Пётр Шереметев.

Сергей Сокуров является членом Союза писателей России. Он дважды побеждал на общесоюзных публицистических конкурсах. «За большой вклад в осуществление программ поддержки отечественной культуры» награждён серебряной медалью Международного Пушкинского фонда «Классика». Есть у него и другие высокие награды. Среди них – орден Сергия Радонежского III степени, который он получил не только за литературную деятельность, но и за активную общественную работу.

В 1988 году во Львове Сокуров основал Русское общество имени Пушкина, сейчас является почётным координатором этой старейшей общественной организации, которая занимается сохранением русской культуры в ближнем зарубежье».

Информационная служба фонда «Русский мир»

VI.

Работе на пользу львовской организации способствовали и моя литературная активность в Москве. За 16 последних лет здесь были написаны и вышли в свет три четверти моих книг, почти вся публицистика, обратившая на себя внимание читателей, лидеров общественности и политиков. А поскольку именно творчество публициста, неразрывное с общественной деятельностью, стало причиной наград, которых я был удостоен, значимость Полномочного представителя в РФ Русского общества имени Пушкина возросла. В подтверждение этого замечу, что всем генеральным консулам, назначаемым МИДом во Львов, Комитет по делам соотечественников Государственной Думы рекомендовал беседу с «послом русских львовян». Меня приглашали на встречу с дипломатами в известную высотку на Смоленской площади. Я снабжал их устной и печатной информацией к обоюдной пользе. Можно не сомневаться, что наша организация от такого тесного знакомства с официальными представителями РФ только выигрывала. Определённая литературная известность и общение с сильными мира сего в сфере русского зарубежья помогли моему устройству на родине моих великорусских предков, получению стабильного заработка, прописки, гражданства, крыши над головой.

Как и следовало ожидать, задумка Евстигнеева использовать меня для каких-то своих целей на Соловках реальностью не стала. Мой покровитель к тому времени превратился в экс-замминистра и руководил созданной им культурно-досуговой ассоциацией «Россия». Однако не бросил меня на произвол судьбы – пристроил редактором в

журнал «Русская культура вне границ», издаваемый им совместно с РГБ, «Ленинкой» (впоследствии я сотрудничал с редакциями щёлковской газеты «Время», журналом «Книга и время», издавал малотиражку «Найди себя»). Весной 1994 года министр по делам национальностей Михайлов рекомендовал меня в помощники генералу Столярову, думцу. Два его депутатских срока был при нём, в 2000 году перешёл к депутату Игрунову, оговорив право заниматься исключительно делами русского движения на Украине. Этим начался самый результативный период моей работы в качестве Полномочного представителя своей и ряда других русских организаций Украины. Кроме названных думцев, в общественном и личном плане мне много помог Н.П. Пашин, крупный чиновник из ПМО. Заодно не могу не вспомнить добрым словом руководителя Межрегионтранса А.Кокурина. Его имя вынесено рядом с моим на обложки четырёх томов, не только как издателя, но и активного соавтора, ибо бывший военный транспортник дельными советами и умелой рукой немало внёс от себя в те книги.

Вы, Николай Николаевич, не первый раз запрашиваете меня: подробней о личном! А разве я говорю не о личном? Всё, что происходит в моей жизни, - моё, личное. Но понимаю, на чём вы ставите акцент.

Кроме обязательного Евстигнеева, на первых порах в Москве меня поддержала Ассоциация «Родина», тогда ещё влиятельная, с которой я был связан общественной работой и авторством в её периодическом издании «Голос Родины». Настойчивостью её руководства Федеральная миграционная служба РФ выделила мне комнату в пансионе для переселенцев «с именем», что в подмосковном Болшево. Оттуда генерал Столяров перевёл меня в Бала-

шиху, где я вёл приём населения от его имени, потом в Реутов. Администрация наукограда поселила меня в доме «под снос», позднее оформила ордер. К тому времени ко мне присоединились Альвина с псом-боксёром по кличке Артур и дочь Ольга. Позже прибыли из Львова мама и сын Алексей, приведший в дом жену Валентину. Ольга Алексеевна через год после своего приезда скончалась. Место её на земле заняла правнучка Дарья, вторая дочь Алексея. Через год Ольга родила дочь Варвару. Когда старый дом снесли, разросшийся клан Сокуровых получил две квартиры в новостройке. Там все и живём: дед-писатель, бабушка-домохозяйка, строитель при своём деле Алексей и его жена. Ещё дочь Ольга, способная дизайнер-верстальщица, две младшеклассницы-гимназистки и третий по счёту (вторым был Зевс) кобель, из той же породы, по кличке Виконт. В Москву перебралась, поселившись отдельно, и первая дочь Алексея, Юлия, теперь студентка. Мой бездетный первенец Александр остался во Львове.

Полагаю, свои естественные обязательства перед близкими я в целом выполнил. Наша натурализация в России прошла хоть и с сучками и задоринками, но характер бедствия не носила. Правда, развал старого гнезда тяжело пережит Альвиной Николаевной. Ведь тогда ей было за 50, и всё, что оставалось от старой жизни, - сумка с вещами, воспоминания и переживания о завтрашнем дне. Прибыли на новое место без денег, без гражданства, без квартиры, без прописки. А на дворе перестройка, то есть разруха. Всё, слава Богу, преодолено. Остались… новые заботы. Их всегда хватает.

Вы спрашиваете о планах? Какие могут быть особые планы, когда ты «разменял» восьмой десяток? Впрочем, извольте:

Уж много лет твержу я неустанно:
Когда меня среди людей не станет,
огню предать; и серый пепел мой
порою летней, с лодки, утром рано
над светлой гладью озера Кучане,
средь Гор Святых, где воля и покой,
развеять тайно…

Здесь мне будут сниться
прошедшей жизни дорогие лица
в забвенье зла, в любви. И, верю, вдруг
из глубины фантомной вереницы
мне улыбнётся Самый Лучший Друг,
сошедший в детстве с букваря страницы.

*

От Н.Н. Ярёменко:

Кое-кто может принять последние, стихотворные строки моего собеседника за выражение пессимизма. Я другого мнения: в них *печаль светла.* Подводя итоги жизни, которой, согласитесь, нечего стыдиться, исполнив по мере сил и способностей свое земное предназначение, выполнив свой долг перед соотечественниками, близкими и самим собой, Сергей Сокуров лелеет самую интимную мечту - и в сферах запредельных быть рядом со своим кумиром.

На этом наше общение на тему интервью закончилось. Перечитав записанное и обработанное, я не мог избавиться от ощущения, что здесь чего-то не хватает. Наконец догадался: приложения из заветных сочинений писателя. Помнится, ключевыми он назвал рассказ о Шарлоте Дантес, которым открыл первое в своей жизни печатное издание, и лирический очерк «Каменное море», принёсший автору через «Известия» всесоюзную известность.

Что касается последнего, отсылаю любознательных на личный Сайт Сергея Сокурова WWW. SOKUROW.NAROD.RU (выход на очерк через заставку). Кстати, открыв сайт на «Фрагментах сочинений», можно познакомиться с разделом последнего издания романа в стихах «Историада», с публицистикой, вошедшей в сборник «Мотивы новой Руины» из малороссийских тетрадей Сергея Сокурова-Величко, также с избранной лирикой. Рассказы «Ворон» и «Доктор Вайсберг» вошли в книгу «Знак чистого солнца» (из-во «Каменяр», Львов, 1990), книгу можно найти в библиотеках Украины.

Рассказ «Что в имени тебе моём?» прилагаю ниже. Под ним размещена историческая миниатюра, дающая представление о творчестве моего героя в этом жанре. Итак, первое опубликованное произведение писателя и одно из последних:

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ?

Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.
А. Пушкин.

В особняке сенатора Империи барона Шарля Геккерена-Дантеса, что на улице Сен Жорж, необычная тишина. Не подъезжают к парадному крыльцу экипажи с политическими и литературными знаменитостями, не сияют окна гостиной огнями свечей, не гремит рояль. Сегодня семейный обед.

Урочное время возвестили гулким боем настенные часы в футляре темного дерева, похожем на поставленный торчком гроб. С последним ударом вышли к столу одетые соответственно случаю домочадцы и отлетевшие птенцы отчего гнезда: замужние дочери, сопровождаемые их "половинами" - директором почт и генералом. Расселись чинно, будто на министерском приеме. На торце стола под поясным, в золоченой раме портретом *маленького племянника большого дяди* восседал хозяин дома - атлетически сложенный седовласый красавец лет пятидесяти. Справа от него утопала в пене крахмальных юбок его "правая рука" по дому - незамужняя сестра Адель. Слева томился от вынужденной неподвижности вертлявый подросток - сын, похожий на отца, его любимчик и единственный наследник. Дальше по столу размещались друг против друга директорша и генеральша, директор и генерал. Один стул оставался незанятым.

- Почему нет Шарлоты? - спросил Дантес, ни на кого не глядя.

Адель выразительно вздохнула. Барон, в совершенстве изучивший язык вздохов своей сестры, понял: "Что я могу поделать, если даже ты бессилен?"

- Так приведите ее кто-нибудь, - сказал Дантес, с трудом сдерживая раздражение, и когда Адель поднялась из-за стола, возмущенно шурша юбками, кинул ей вдогонку. - Пусть не переодевается.

Он знал, почему нет дочери. Несколько минут тому назад, выйдя из кабинета, он столкнулся с ней в прихожей. Шарлотта резко посторонилась, вжалась в стену, но не испуганно, а брезгливо. Вот уже

два года она избегает его, на вопросы отца отвечает неохотно, односложными "да" и "нет". Вообще, странности ее множатся, некоторые из них начинают пугать. В то время как ее сверстницы, девушки их круга, увлекаются балами, амурной игрой, мечтают о замужестве, Шарлотта все глубже зарывается в книги. Ей мало иностранных языков, беллетристики, музыки. Ее любовью стали точные науки: математика, физика, химия. А это уже плохой тон, тема для пересудов. И совсем скандально желание дочери пройти весь курс Политехнической школы. Где это видано? Женщина и *Ecole Politechnique*! Дантес обеспокоен, (не за дочь - за себя, сенатора, жизнь и карьера которого у всех на виду). Но еще больше пугает барона тяга дочери ко всему русскому. В этом он видит что-то неумолимое, роковое, как будто в образе дочери сама Месть встает в белом саване из белых русских снегов... Нет, лучше не думать. Но разве можно не думать, когда в дрожащих пальцах катается пуля из хлебного мякиша, а за столом молчаливое ожидание. Так замирает толпа перед казнью...

Как могло случиться, что здесь, в сердце Франции, в Париже, во французской семье, выросла русофилка? Она говорит, читает и пишет по-русски лучше многих русских, всех этих Разумовских и Демидовых. Кто ее учитель? Ведь жена барона, Екатерина, родная сестра Натальи Николаевны Пушкиной, умерла, когда дочери было три года от роду. Неужели из немыслимой дали, из загробного мира, Шарлота слышит ненавистный ему, Дантесу, звонкий голос того, чье имя он старается не произносить даже мысленно? Дантес встряхивает головой, будто пытается избавиться от наваждения, но встреча с дочерью в прихожей не идёт из головы.

Вот она замедляет шаг, вжимается в стену. На ней строгого покроя черное платье с высоким воротником. "Переоденься, -говорит он ей. - Не шокируй гостей ". - "Нет, - отвечает она шепотом, твердо, - сегодня ни за что". Он следует дальше, но вдруг до него доходит смысл сказанного Шарлотой. Она сказала *"сегодня ни за что"*. Сегодня *29 января* в России. Она надела траур по... *нему*. Вот он, второй ответный выстрел проклятого свояка. Прямо в сердце кавалергарду, то бишь сенатору. Через двадцать лет.

Адель возвратилась с племянницей, похожей в своем наряде на тень из царства Аида. На тонком нервном лице Шарлоты отчуждение.

В молчании начинается обед. Лишь позванивает столовое серебро и фарфор, да слышится шелестящее "пожалуйста, "мерси", когда

обедающие передают друг другу блюда. Но постепенно изысканная пища, дорогое вино развязывают языки. Как и водилось в сенаторском доме, разговор начался с политики. С грохотом покатились по столу круглые и веские, словно бильярдные шары, слова: Франция, Пруссия, Австрия, Альбион, наконец Россия. А коль назвали Россию, не преминули пристегнуть к ней Азию, татар, отсталость, бескультурье.

- В самом деле, кто из вас читал русский роман? Да и существуют ли русские романы вообще? - простодушно вопрошал директор почт, округляя глаза.

- Полно вам, - отозвался генерал. - Медведи книг не пишут. Ха-ха-ха!

Замужние дамы - блондинки с начесами *a la vierge*, одинаково заулыбались; Адель, не изменяя постного выражения лица, согласно кивнула. Сын, долговязая (в отца) надежда с невинными глазами, налил под шумок в рюмку сестры-генеральши острого соуса.

И тут раздался гневный голос Шарлоты:

- Что вы знаете, господа, о русской литературе?!

Только что весь ее облик выражал глубокую меланхолию, а через минуту темные глаза заблестели сухим, яростным блеском. Откинувшись на спинку стула, прямая, восторженная, она стала читать по памяти отрывки из русских романов, декламировала странные и прекрасные стихи, смешивая французские и русские слова, называла мало кому известные здесь имена - Жуковский, Карамзин, Тургенев, Лермонтов и... Пушкин... Пушкин... Пушкин...

Дантес морщился, будто у него разболелась печень. Наконец Шарлота произнесла слово "невежды", адресуя его всем сидящим за столом и внимающим ей со скептическими улыбками, растерянно и заворожено. Это было уж слишком. Дантес хлопнул ладонью по столу - зазвенели пустые бокалы.

- Довольно!

Дочь бросила на него дикий, враждебный взгляд.

- А ты... Ты убийца! - произнесла с расстановкой. По-русски. Обедавшие переглянулись. Никто не понял. Только отец знал это слово, ему часто приходилось слышать его в первые годы после высылки из России.

Странное дело, гнева Дантес не почувствовал. Лишь запоздало подумал, что ему следовало бы вскочить, опрокинув стул, согнуть дочь громовым окриком, уничтожить убийственными словами. Но сильные ноги моложавого сенатора на сей раз ему не повиновались, а нужные слова на ум не шли.

- Но ведь тогда... он бы… меня. А я стал сенатором.

Выдавив из себя эти слова, Дантес спохватился, что по его ответу реплика дочери будет за столом понята, но было поздно.

- Да, - с сарказмом отозвалась дочь, - бедная Франция!

И стремительно вышла из залы.

"Домашний врач прав, - думал Дантес, уставившись в пустые тарелки, не замечая сочувственных взглядов. - Шарлота плохо кончит. Она душевно больна. Неизлечимо. Неужели Пушкин выстрелил в третий раз и его пуля попала в цель?"

Дантес заблуждался. Уж если верить в Рок, это его пуля - пуля из пистолета кавалергарда, - поразив поэта, рикошетом попала в дочь. В одном лице совместились убийца великого поэта и детоубийца.

У двери своей комнаты Шарлота достала из корсета ключ. Никто не смел заглядывать сюда. Правда, тетка Адель как-то сунула нос в комнату племянницы и, хотя "визит" ее длился одно мгновение, все-таки успела высмотреть кое-что и доложила брату, что комната Шарлоты превращена в... молельню.

Девушка захлопнула за собой дверь. Щелкнул замок. Какой же необычной показалась бы девичья комната чужому глазу! Окна завешены плотными шторами. Полумрак. За тяжелой занавеской прячется узкая кровать. Остальное пространство комнаты голо. Лишь у восточной стены высится то ли аналой, то ли просто высокий столик с покатым верхом да темнеют по стенам прямоугольники портретов. Так в богатых домах обставлялись молельни. Адель была права.

Девушка подходит к аналою, зажигает свечи в серебряном шандале. Странный вид принимает молельня. На беленых стенах - картины, где неизменно присутствует Пушкин - подросток, юноша, зрелый мужчина. Большой портрет поэта висит над аналоем, где обычно помещают распятие католики. На крышке аналоя вместо библии - том сочинений Пушкина в богатом, сафьян и золото, переплете. Шарлота становится на колени. Пламя свечей колеблется, отчего изображение поэта оживает. Он улыбается грустной, еле заметной улыбкой, задумчиво глядя мимо Шарлоты, скрестив руки на груди. Он никогда не взглянет на нее. Он ее не знает. Ведь она родилась через три года после его гибели.

Сенатор не далек от истины: она явственно слышит звонкий голос первого поэта России. Однако чувство её иного свойства. Шарлота давно поняла, что любит в Пушкине не только его стихи, но и мужчину... Ни для кого больше не останется места в её сердце. Эта

загробная любовь, бесплодная, без взаимности, сделает девушку замкнутой и неуравновешенной. К тому же к мукам неутоленного чувства постоянно будет примешиваться невыносимое сознание вины - Шарлота носила имя убийцы.

Молитва бедной девушки импровизирована и возносится не к небу, а к тому, кто даровал ей неизмеримо больше, чем далекий от нее Бог. Слова любви, отчаяния и гнева в этой молитве. Фантазия ее реальна, как боль.

На взгорке под тремя соснами она собирает бледные северные цветы. И видит: внизу по пыльной дороге спешит молодой человек. На смуглом лице белозубая улыбка, ворот рубахи расстегнут. "Э-э-э-й!"- приветливо машет он широкополой шляпой. "Куда же вы, Пушкин? Постойте!" - хочет крикнуть вслед ему Шарлота, но она знает: никто и ничто его уже не остановит. Сердце поэта в Тригорском, куда недавно приехала красавица Анна и где вновь и вновь переживает он *чудное мгновенье*. Что же, она умеет терпеливо ждать. К вечеру он будет возвращаться домой, в Михайловское, усталый, грустный, очарованный и разочарованный. Вдруг из-за сосен появляется Дантес. Медленно и неотвратимо поднимает руку. Выстрел...

Тяжелый том, упавший с аналоя, возвращает Шарлоту к действительности. Дрожа от пережитого волнения, она поднимает с пола книгу, раскрывает ее наугад:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувший в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя,
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

Слеза капает на страницу. Шарлотта закрывает лицо руками, шепчет:

- Есть в мире сердце, где живешь ты.

Как несправедливо, что родственные натуры зачастую рассеяны во времени. Тоскуя, они инстинктивно ищут друг друга по смутно представляемому образу, мечутся в человеческом море, да так

и не находят. Чем же тогда измерить муки того, кто гонится за зримым образом давно умершего, сознавая, что не встретить его уже ни через год, ни через десятилетие, хоть обойди весь мир; кто не может рассудком заглушить крик сердца и продолжает любить без награды, с упорством фанатика?

Шарлотта Дантес ушла из жизни в доме для душевнобольных 30 июня 1888 года, оставив нам пример любви необычной, какой и быть не может, но к которой стремилась душа поэта.

*

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ 5 303 424 ЧАСА
(дек.1404-дек.2009: 605 лет)

1. И «замысли часник»

Может быть, при пращурах «*счастливые часов не наблюдали*» в полном смысле этой явно устаревшей поговорки. В наши времена, когда «*время - деньги*», избранником счастья может оказаться тот, кто внимательно наблюдает не только за часами, но за минутами и секундами, дабы раньше других успеть к тому месту, где распределяются материальные ценности, которые и стали мерилом довольства.

Первым из русских людей эту очевидную истину понял Василий I Дмитриевич, Великий князь Владимирский и Московский, сын победителя Мамая на Куликовом поле, человек сложный, так до конца до сих пор не понятый, терпеливый и твёрдый, «себе на уме». В делах бранных проявлял осторожность и притом - бесстрашие (не колеблясь, вывел рать навстречу непобедимому Тамерлану). Отмечу ещё одну особенность его натуры: князь Василий, подобно своему далёкому венценосному последователю, увлекался ремёслами (известны златокованые изделия его рук; книжные оклады, например). Он первым из Калитовичей коснулся Запада, когда бежал домой через Литву из Сарая, где несколько лет пробыл заложником хана. Видимо, в Вильнюсе и приметил механизм, поразивший его воображение. И «*замысли часник*», по словам летописца.

Сей предмет был не только полезен в повседневной жизни. Обладать им считалось весьма престижно. Только самые богатые города Европы обзаводились железным *часомерием*, более надёжным и точным, чем солнечные часы, зависящие от погоды. О песочных и водяных и говорить нечего. Сказывали заморские гости, будто в ещё в 996 году от Рождества Христова в Магдебурге появились башенные часы с гирями. Так ли, не ведомо. А вот доподлинно известно, что у других «немцев», в Руане и Солсбери, отсчитывается время на *часозвонях* уже лет двадцать. В отличие от других стихий, получить хоть какую-то власть над временем раньше человек не мог. Даже точному измерению оно не поддавалось, о чём сетовал Аристотель. Поэтому обладатель технической новинки, *часника*, как бы приближался в своём сознании и во мнении окружающих, к эдакому демиургу.

Вряд ли кто из владетелей осколков Руси отказался бы от такого приобретения. Да только один Василий Дмитриевич согласился, не торгуясь, выложить из прадедовой *калиты* аж 150 рублей за «предмет роскоши». Читатель фантастически ошибётся, сопоставляя те рубли с нашими, постперестроечными бумажками и латунью. Во-

первых, то было высокой пробы звонкое серебро, и потянуло оно на 36 с половиной фунтов (15 кг). Во-вторых, шесть веков тому назад за 1 рубль можно было купить 260 пудов хлеба, то есть 4160 кг. Следовательно, князь не пожалел на чудо века 624 тонны хлеба. И, представьте, голодомора при феодализме не случилось! Правда, тогда ещё не было украинцев. А если и были, то *на Москве* о них ещё не прознали, и *москалям* не было кого морить.

Да, такую цену назвали князю сведущие люди. Однако уложиться в неё не удалось. Свидетель покупки точную сумму не назвал, лишь отметил «более». Вот эта запись: *«Цена же сему бяше вящьше полутораста рублев».* Было бы удивительно, если бы не «вящше», а «менее». Ведь *за морем телушка – полушка.*

2. Найти исполнителей

Задачу себе князь поставил не из простых, со многими неизвестными. Где именно купить замысловатое изделие, чтобы не сомневаться в качестве? Далее, проблемы доставки всей этой горы железа в великокняжескую столицу. Не просто преодолеть бесчисленные границы и таможни. Западные соседи пристально отслеживали груз, доставляемый в поднимающуюся Москву, особенно металлический: что у вас в ящиках бренчит? Пушки? Пищали? Дроб? Ядра? А куда порох припрятали? Но главная трудность в этом вопросе - вечное российское бездорожье. Ладно, с Божьей помощью (да и *сам не плошай!*) русский человек и это препятствие осилит, где водным путем, где посуху. Телеги, струги найдутся, мужики к любому тяглу привычны.

Потом часовой механизм необходимо собрать и поднять повыше, чтобы циферблат виден был издалека, а пудовые гири не касались земли… Стоп! Представляю, как, рассуждая сам с собой, великий князь на этом месте хлопнул себя ладонью по лбу. Куда поднять? Требуется башня особой конструкции! И эту мысль отметил в свитке *писец*.

Наконец, собранный *часник* надо запустить с урочного момента, подсказанного солнцем, и продолжительное время поддерживать его ход умелым обхождением. Понятно, для всего этого необходимы опыт часового мастера, хватка бывалого купца, поднаторевшего на делах с иноземцами, организаторские способности перевозчика тяжёлых и габаритных грузов, навыки в каменном строении, астрономические знания. Набирается по меньшему счёту пятёрка специалистов, и только двоих из них можно сыскать на Москве. Каменных дел умельца, как обычно, даст Псков. А вот остальных, часовщика и звёздочёта,

придётся выбирать среди латинцев, схизматиков. Обойдутся не дёшево. Каждый запросит по десяти рублёв в год, не меньше.

То ли кто из бояр подсказал князю способ сэкономить, то ли Василий Дмитриевич предвосхитил известную мысль, вложенную Пушкиным в *толоконный лоб* попа: *нужен мне работник: повар, столяр, плотник*. Как бы там ни было, подобный *мастер на все руки* нашёлся-таки в Первопрестольной. И не схизматик. Православный!

3. «Мастер и художник» Лазарь

Нет для мастера большей похвалы, чем назвать его художником. Изготовители механизмов, отмеряющих время, чаще других ремесленников удостаивались столь высокой оценки. Пётр I, к примеру, решительно относил часовое дело к искусству. В правлении князя Василия в его владениях, свидетельствует хронист, появился *некоторый чернец, иже от Святыя горы пришеший, родом Сербин, именем Лазарь»*. В той же летописи ему дана характеристика: «*Мастер же и художник бяше* ». Некогда он принял постриг на горе Афон, что на греческом полуострове Айон-Орос в Эгейском море. Там находились православные обители, откуда странствующие монахи несли свет истиной веры во все стороны. Был ли Лазарь часовщиком *в миру* или учился этому искусству, закатав рукава рясы, неизвестно. Он-то и взвалил на себя ответственность за всю работу.

Разумеется, признанный мастер знал, куда ехать, чтобы привезти часовой механизм, в общих чертах описанный высокородным заказчиком. С *курантами*, то есть с боем. Но в устройстве того *часника* должна быть техническая особенность, приспособленная под своеобразный счёт времени москвичами, вообще, значительной частью православной Руси.

Заглянем в летопись. Под 8 сентября 1380 года записано: «*В седьмом часу начали поганые одолевать*». Нам, привыкшим к современным часам, странно: активная фаза Куликовской битвы, известно, длилась чуть более трёх часов, а в тот осенний день солнце, как и было ему положено с Сотворения Мира, взошло над полем между Доном и Непрядвой около семи. Получается, сражение завязалось в ночных сумерках? Такого тогда не бывало. Да и свидетель пишет, что рать князя Дмитрия сошлась в кровавой сечи с ордой эмира Мамая спустя четыре-пять часов после рассвета, когда рассеялся туман. То есть, считая по-нашему, сигнал к атаке с Красной горки прозвучал в околополуденное время, а *поганые начали одолевать* близко к 14 часам. Через час, примерно, они побежали после удара засадного полка, преследуемые до вечера.

Из этого следует: наши предки начинали сутки с восходом Солнца. Притом, размеряли и рассчитывали отдельно 12 часов дневных и 12 ночных по византийской системе счета времени. Разумеется, только в дни весеннего и осеннего равноденствия такие часы равны по продолжительности. При солнцеворотах же, при летнем и зимнем солнцестоянии, на широте Москвы дневной час то в 2,5 раза длиннее зимнего, то наоборот. И это соотношение что ни день меняется. Чтобы механические часы показывали круглый год двенадцать часов днем и двенадцать часов ночью, необходимо либо менять скорость вращения циферблата или стрелки каждые 12 часов, либо в устройстве часов должно быть два механизма, ночной и дневной. И стрелка должна переключаться с одного на другой при смене дня и ночи.

Изготовить такие часы чрезвычайно сложно, - вздыхал в пути Лазарь Сербин и взбадривал себя мыслью. - Однако можно, если к 150-рублям прибавить « *вящше».*

4. Часомерие – дело государственной важности

При жизни Василия Дмитриевича над Москвой-рекой еще не красовался величественный Кремль, кирпичное творение мастеров, вывезенных из Италии вместе с царевной Софьей Палеолог Государём Всея Руси Иваном III. Тогда склоны холма были круче, и белокаменная стена Дмитрия Донского, невысокая, с приземистыми башнями, окружала деревянные, в основном, храмы и терема.

В начале 1404 года санным путём въехал через ворота Фроловской башни обоз, груженный разновеликими ящиками. Он миновал Соборную площадь, обогнул церковь Благовещенья, и телеги одна за другой стали накапливаться на княжьем дворе. Из крытого возка живо вынырнул старец в полушубке поверх рясы. По виду южанин: большой крючковатый нос на темном лице придавали чернецу сходство с птицей. Кто-то окликнул «отец Лазарь», и чернец повернулся на голос. Ящики сгрузили неподалёку от котлована под какое-то строение, прикрыли рогожами. На крыльце теремного дворца показался князь в окружении домочадцев и слуг, довольно улыбаясь в рыжую бороду, раздвоенную на конце, дал знак Сербину войти в покои.

Весну и лето груз пролежал нетронутым. Над ним возвели тесовый навес, днём и ночью вокруг ходили сторожа. Иногда появлялся князь, заглядывал под рогожи, пытался приподнять крышку, где гвозди позволяли. Завидев Сербина, сразу отходил, сохраняя достоинство. Понимал, кто здесь, под навесом, хозяин.

Между тем из котлована вырастала башня под присмотром мастера Лазаря. Через 150 лет старанием изографа миниатюра с изображением башни попадёт в «Лицевой летописный свод»; мне остаётся только описать сооружение. Оно напоминало плоскую северную звонницу арочными проёмами в сплошной толще кирпичной кладки и ступенчатым аттиком. Но «главный архитектор» внёс в эту строгую конструкцию и родное ему, средиземноморское – две тосканские колонны красного камня по бокам сооружения, с фасада. Нарушение церковной традиции? Отнюдь нет. Это не звонница при храме, это *часозвонь*, строение *на Москве* небывалое. И ещё новшество: в глухом простенке сооружения оставлена полость. Жильцы и посетители Кремля уже проведали, в ней поместят диковинный механизм. Место для единственного на Руси *часника* выбрано с расчётом. Поутру, выглянув из оконца своих покоев, хозяин земли заокской мог прикинуть: спешить ли на совет с ближними боярами или позавтракать можно, время позволяет.

Пришло время вскрывать ящики. Великий князь все великие дела забросил, понимая, что предстоит дело особой государственной важности. Это тебе не книжный оклад выковывать в часы досуга! Наконец, крышки с ящиков сняли. Взорам предстала их начинка, поражая публику обилием замысловатых металлических деталей: гири, с «ушками», штанги, цепи, маятник, зубчатые колёса. Недаром башенные часы назывались колёсными. В отдельной упаковке оказалась плоская стальная пружина. *Дети боярские* оттеснили разношёрстную толпу к церкви; знатные составили компанию княжатам и княгине на высоком крыльце терема. В уголке пристроился писец, разложив свои принадлежности на широких перилах, изготовился «вести репортаж» из XV века. Рабочие унесли растерзанную тару. Под навесом остались мастера и подмастерья, ученики - для чёрной работы. Среди них энергично передвигался Лазарь в укороченной рясе. Сюда же затесался великий князь, сбросивший кафтан. Рукава его рубахи отбеленного полотна были засучены.

Перед сборкой механизма части его разложили на свежих рогожах в том порядке, что указал Сербин. Затем принялись собирать отдельные узлы. При помощи хитрых приспособлений их поднимали на *часозвонь*. Там производили окончательный монтаж. Всем распоряжался *мастер и художник*. Он подгонял, давал советы, спорил; где надо, приказывал. Иногда нерадивые ученики получали от него затрещины. Ремесленная ватага была разноязыкой, мелькали и русские лица северо-западного типа. Работа часовщиков затянулась надолго – не оглобля из лесины вытёсывалась. С каждым днём желающих

поглазеть на священнодействие становилось всё меньше. Лишь прирождённые зеваки оставались верны себе. Да великий князь время от времени появлялся под навесом, когда приходила очередь сборки какого-нибудь сложного узла, с интересом выслушивал пояснения неутомимого старца Лазаря.

5. Последние часы отечественной истории без часов

Выпал снег. На башне-*часозвоне*, справа от нижней арки, на высоте ее свода, появился жестяной *указной круг с указными словами*. Перевожу: циферблат с буквами древнерусского алфавита, которые служили также цифрами до 1702 года. Но любой из нас, увидев сие творение воочию, сразу бы заметил отсутствие стрелок. Не успели прикрепить, что ли? Или, при доставке груза, по дороге потеряли? Ну, без большой стрелки в то время обходились. Изначально каждый человек свое личное ощущение времени сверял по солнцу и звездам да по собственному желудку. Разумеется, ощущения не совпадали. Фраз, подобных такой, как «встретимся в час пятнадцать», не произносили. Вообще, долгое время от первых механических часов никаких минут не ждали, довольствовались половинками на глазок, отчего в минутной стрелке нужды не было. И часовая появилась не сразу. Принцип определения времени был другой. Чуточку терпения, читатель!

Над аркой нижнего яруса башни находилась арка значительно меньших размеров. В ней подвесили колокол. На него из-за *указного круга* нацелился для удара молоток на длинном рычаге. Это не художественный вымысел. Раскроем «Лицевой свод».

На миниатюре показаны большие часы круглой формы. В центре циферблата выступает полушарие, с лучами, образ солнца. Поле *указного круга* разбито на четыре сектора, с волнообразным орнаментом. По широкому внешнему ободу нанесены десять кириллических букв (цифры от 1 до 10) и две буквы двойные (11 и 12). Да, стрелок нет. Если это не упущение изографа, значит, вращался обод. По всей видимости, реальное время показывал тот знак, который занимал при вращении обода самое верхнее положение. Только там буква находилась в правильном положении; в других местах она виделась стоящим под башней наклоненной, лежащей на боку, перевернутой. В пользу такого заключения говорит отсутствие рядом с циферблатом какого-либо указателя. На миниатюре часы изображены с тремя разновеликими гирями на цепях. Одна гиря, предположим, приводила в действие основной механизм часов, вторая, ежечасно, – устройство боя, третья – планетарный

механизм. Что до последнего, летописец отметил свойство *часника* показывать фазы Луны: *чудны вельми с Луною*. Однако миниатюра этого не подтверждает. Но хронисту больше доверия. Он свидетель. Последуем за ним на торжество запуска механизма в декабрьский день 1404 года.

6. Пуск!

Часовой механизм в Кремле был готов к работе накануне зимнего солнцестояния. К этому таинственному событию, связанному с Божественным промыслом, князь и приурочил пуск часомерного устройства. До рассвета собрались возле *часозвони* кремлёвские жильцы и гости, знатные и простонародье. Будить никого не пришлось, за самую долгую ночь в году все выспались. На лицах ожидание чуда. Писец, с чернильницей за пазухой, успевает и записывать и чёркать эскиз, которым через полтора века воспользуется царский изограф. А мы - миниатюрой. Кроме неё и нескольких строчек в летописи, других свидетельств нет.

Князю поставили скамейку с пуховым валиком, чтобы не отморозил чего. Заботливая княгиня, дочь литовского князя Витовта, накинула на мужа поверх чёрной шубы алый плащ; голову главный виновник торжества покрыл золототканой шапкой с меховой опушкой. Сзади и по бокам стали домочадцы, любимые дружинники, свита. Остальной люд полукольцом охватил площадку перед фасадом башни, освещённым пламенем костра. Между толпой и мастером Сербиным, который занял место у дверей в стене под часами, образовалось пустое пространство. Инок с трудом сдерживает волнение. Не дай, Бог, механизм откажет! Этой ночью он не сомкнул глаз. Усердно молился. Помылся в лохани. Надел чистое исподнее и новую, коричневого цвета, зимнюю рясу. Вынул из заветного сундучка куколь, тоже коричневый, но выцветший, память Святой горы.

Постепенно серый рассвет разливался по Кремлёвскому холму. Костёр затоптали. Гул толпы утихал, и наступило молчание. Лазарь убедился, что в чистом небе потухла важная для его расчётов звезда, и скрылся за дверью в полости стены. Оттуда послышался металлический скрежет, позванивали цепи. Когда ступенчатый верх *часозвони* озарился невидимым снизу солнцем, молоток за *указным кругом* пришёл в движение, плавно отклонился вправо и при обратном резком движении ударил в колокол. Родился звук, сердцу русскому близкий. Но чуткое ухо отличило его от того колокольного звона, что зовёт к заутрени. Он был иным. Он вышел за кремлёвскую стену,

протёк над крышами Москвы, услышан был далеко за околицей столицы.

И толпа, возликовав, радостно вскрикнула, подалась вперёд, к источнику звука, сузив круг. Ничего, что глазу незаметно вращение диска! Внутри башни что-то шевелится, «тикает». Мало кто сомневается, немного терпения, и вновь ударят *куранты*, теперь два раза, потом три, и так до двенадцати, когда зимнее солнце скроется за окоёмом. Потом всё повторится сначала.

А возбуждённый Лазарь уже возле князя, обмениваются впечатлениями. Жестикуляция Сербина предельно выразительна. Даже седая борода в красноречивом движении. Обратите внимание! Понятно, южанин. Жесты Василия Дмитриевича не в пример сдержаны. Тоже понятно, ведь хозяину полунощной страны не гоже давать волю чувствам, как ремесленнику, хоть и «художнику». Нам не известны слова, которыми обмениваются виновники торжества. Но летописец, делясь с бумагой своими ощущениями, восторженно передаёт их изысканность, чего часто лишена современная нам русская речь:

«Сей часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно, страннолепно сотворено есть человеческою хитростью, преизмечтанно и преухещренно».

«Человековидно» значит «как человек», и это значение подкрепляется словом «*самозвонно».* А «*страннолепно, преизмечтанно и преухещренно»* - это же пир русской речи! За эти пять слов, да за «*человеческую хитрость*», что значит «творческое ухищрение», я бы отдал многие десятки новых слов, которые проникли в русский язык за последние двадцать лет, в первую очередь «шопинг, тинэйджер, эксклюзив, мэнэджер» и иже с ними. Да, отдал бы! Но как взять те, из XV века, вернуть их в наш лексикон? Мы те слова забыли. А их знал даже мастер и художник Лазарь, византиец по мировоззрению, серб по национальности, нашедший на Руси вторую родину. Мир праху его!

7. Время московское

В 2004 году у русских был ненадуманный повод широко и шумно отметить 600-летний юбилей события, которое на пути технического прогресса явилось немаловажной вехой для России. И более того! Не отметили. Следующую «круглую» годовщину ждать устанем. Отчего бы тогда не воспользоваться «округлой», 605-летием!? Она в декабре, совсем близко.

Во-первых, помянем Василия Дмитриевича. Многими добрыми делами заслужил сын Донского добрую память о себе. Главное, он один из активных соавторов нашей Родины в её движении во времени. А к понятию «время» причастен как никто из власть имущих. Ибо при нём, *замысливший часник*, его волей и средствами, заявил о себе первый час русской истории в точно измеряемом времени медным, храмовым голосом.

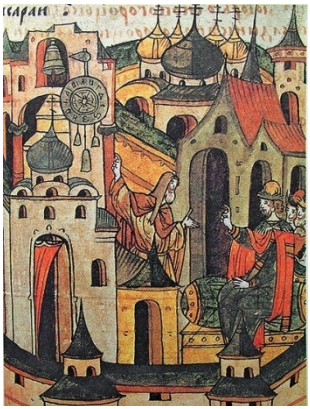
Поднимем бокалы в память о *мастере и художнике* Лазаре. Само время уже наградило его, сохранив до наших дней механизм, впервые налаженный руками Сербина. Механизм пережил и ту башню-*часозвонь*, и множество починок и реставраций, и бесчисленные пожары в деревянной Москве. В 1624 году ярославские купцы купили списанные куранты и восстановили их у себя на звоннице Спасского монастыря.

А в Кремле прописаны уже «новые» главные часы страны, Петровские. На Спасской башне (при Василии I – Фроловской), через ворота которой в 1404 году проехал обоз с дорогой покупкой). Этот *часник* конечно же «помнит» своего предшественника. Они даже перезваниваются. По русским меркам от Ярославля до Москвы рукой подать. В одно и то же время, согласно, взводятся механизмы, куранты играют вступительную мелодию, и волею Бога, который лишь один властен над временем, гудит литая медь.

Совсем скоро, в день солнцестояния, когда кто-нибудь спросит «который час», можно сказать, не согрешив против истины:

- Пять миллионов триста три тысячи четыреста двадцать четвёртый.

Московское время продолжается.



Печ. л. 4,5 Тираж 1000 экз. Заказ 1412

Отпечатано в типографии ОАО «ВПК «НПО машиностроения»

143966, Московская обл., г. Реутов, ул. Гагарина, 33

Телефон: (495) 508-87-22

Русское общество имени А. Пушкина во Львове

ДИПЛОМ
СОКУРОВ
Сергей Анатольевич
Сергей Сокуров
(Величко)
МОТИВЫ
НОВОЙ
РУИНЫ
Москва
2009